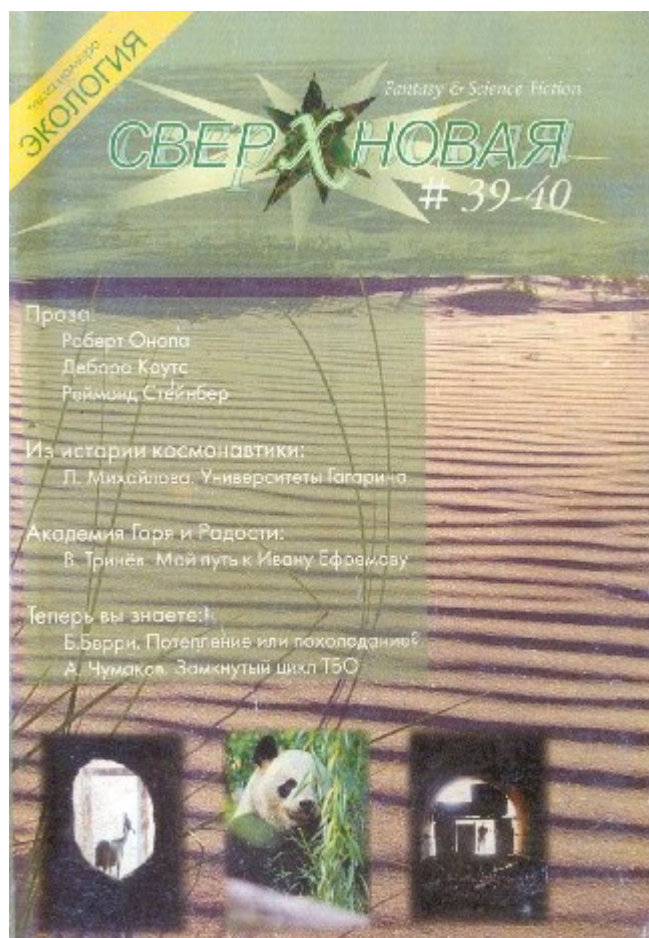

**Роберт Онопа К. Д. Вентвортс Виктор Алекс
Эдвард Родоусек Дебора Коутс Реймонд Стейбер
Джон Морресси Ольга Шейнпфлюгова Эрнест
Томпсон Сетон**

Сверхновая. F&SF, 2007 № 39-40 (выборочно)

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 39

Scan, OCR, SpellCheck, Formatting: Xac, 2008
[http://publ.lib.ru/ARCHIVES/S/"Sverhnovaya"/_ "Sverhnovaya".html](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/S/)
«Журнал «Сверхновая. F&SF» № 39-40, 2004»: The Magazine of
Fantasy and Science Fiction. Сверхновая американская фантастика; 2007

Аннотация

Номер 39-40. ЭКОЛОГИЯ

Сверхновая. F&SF, 2007 № 39-40

*Выходит с июля 1994 г.
<http://supernova.netclub.ru>*

ПРОЗА

Роберт Онопа
СТОЯНКА В БИОСФЕРНОМ ЗАПОВЕДНИКЕ¹
(Рассказ)
Перевела Л. Михайлова

О сновная дорога проходила сквозь парковочную зону в конце заповедника Национального Экопарка в Кауэаи, на вершине горы Кокии. По ту сторону стальных, выкрашенных в зеленый цвет ворот раскинулась еще не покоренная человеком гавайская местность. Долина Калалау, находящаяся в самом ее сердце, растянулась на северо-востоке между двумя гребнями гор, остроконечными и широко раскрытыми, словно согнутые колени, и резко обрывалась прямо у берегов Тихого Океана. В ложбине пейзаж был таким: зеленые холмы, широколиственные деревья, оплетенные лианами, и пальмы, воздух был наполнен резким запахом имбиря.

Среди тех, кто решил провести здесь время, Макс Дьюган, доктор наук, и Гиа Кандиотти, бакалавр, совершили остановку и с нетерпением ожидали той минуты, на которую был назначен старт. Ему нестерпимо жали ботинки, так же, как и новые кроссовки «Найк» в ту ночь, когда он потерял свою девственность с Шэрон Стасси, тридцать лет назад, неделю спустя после начала нашумевшего дела О. Дж. Симпсона.

Его сердце переполняло восторг. Иногда, подумал он, жизнь дарит

1 © Robert Onopa. Camping in the Biosphere Reserve. F&SF, May 1996.

такие моменты: неожиданно ты получаешь дар свыше, болезненная схватка с жизнью непредсказуемо оборачивается твоим триумфом, мечты становятся реальностью.

Всего несколько месяцев назад Гиа была симпатичной, но совершенно бестолковой студенткой его спецкурса по английской литературе под названием «461: Гипертекст у Вордсворта и Природа». А сегодня ее научный руководитель стоял рядом с ней, любуясь раскинувшейся внизу Калалау, удивляясь ярким оттенкам зеленого, несравнимыми с теми, что даны на голограммах в брошюрах Экопарка, наблюдая за тем, как энергично Гиа облизывает языком губы — с эротической неумностью, подумал он, а вокруг бушевало цветение растений, которые росли в подвесных металлических емкостях.

Эту поездку, давшую им возможность на неделю остановиться в лагере одной из последних нетронутых местностей, Гиа выиграла в факультетской лотерее. И предложила Максу сопровождать ее.

* * *

Когда она впервые предложила ему с ней поехать, Макс её даже не понял.

— Что? Какая накладка? — переспросил он, погруженный в проверку экзаменационных работ.

— Палатка. Я приглашаю вас отдохнуть к себе в палатку, — повторила она.

У Макса перехватило дыхание. Гиа была очень привлекательной, немного пухленькой, прелестной, как спелый персик. Он согласился бы провести с ней время хоть в переполненной корзине для белья, если бы она попросила. Но у него была Акура, его невеста, которая так же хорошо, как и он сам, знала девиз всех студентов факультета, который был выгравирован над воротами с того момента, как наступил XXI век: «*Amas cognis non cognus*» (ударение на «non»)². Он не был уверен, но догадывался, что если в университете узнают об этой поездке, он будет уволен еще до того, как солнце опустится на Блумингтон, возможно, его даже посадят в тюрьму. Тогда его камеру наверняка посетит Акура с пирогом, меняющим состав ДНК. Он погрузился в свое любимое кресло, внимательно слушая мечтательно и кротко улыбающуюся Гиа, думая о Кольридже и Саре Хатчинсон, вспоминая Шелли, сбегавшего с 14-летними девочками, о Дилане Томасе и его подружке из женского колледжа Вассара, о греховных удовольствиях предшествующих веков.

— Понимаете, когда я выиграла пропуск, я вдруг поняла, что все идеи, которые у меня есть по поводу природы, появились у меня после ваших занятий, — сказала ему Гиа. — Я играла во все виртуальные игры, жила в палатке со скаутами. Но мне никогда не приходилось бывать в Иеллоустоуне, и тем более в экотуре. Все эти идеи вашего курса я не в силах понять сама. Например, то, что Природа «советчик и хранитель вашего сердца». «Тинтернское аббатство», правильно? Профессор Дуган...?

Полуденный свет, окрашивая небоскреб в желтовато-серый тон, придавал таинственный оттенок вершине горы Калалау («нет лучшего

места в экотуризме»). И все же Гавайи выглядели привлекательными.

— Позвоните мне, Макс. Семестр теперь окончен. Это дает мне возможность предаваться любым мечтаниям. Макс, теперь у меня есть шанс на практике проверить все те идеи, постигнуть то, что действительно в них скрывалось. Мне нужна ваша помощь.

— Ты знаешь о том, что у меня есть невеста? Она преподает на юридическом факультете.

— Чудесно. Тогда она определенно все поймет, — сказала Гиа. — Я имею в виду то, что ваше сопровождение для меня совершенно необходимо. Поймите, что, если я не могу провести связь между идеями, которые почерпнуты мной из ваших уроков, и моим реальным опытом, то тогда нет в них аутентичности, нет законченности. Я считаю, что мое образование на этом не заканчивается. — Ее невинное личико омрачилось. — Ваша невеста должна знать, что это мое право — требовать интерпретационного завершения курса. Требовать от вас. Можете заглянуть в факультетский кодекс. Раздел 4, параграф 6. Тот, который был добавлен в прошлом году.

— Подождешь минутку? — спросил он.

Пока Гиа прогуливалась в соседней комнате вдоль его коллекции старинных книг XX века, стоящих вперемешку с коробками с записями, Макс выстукивал домашний номер Акуры на клавиатуре, стоящей на письменном столе, и включал видеоизображение.

Акура занималась приготовлением обеда.

— Да, — отозвалась она со своей кухни, с чрезмерным усердием отбивая индюшку, распластанную на кухонной дощечке. — Твоя бывшая студентка оказалась права. Ты, как педагог, должен нести ответственность. Декан может уволить тебя, если ты не поедешь с ней. Таков новый закон.

Макс постарался придать своему лицу выражение оскорбленного достоинства. Акура взмахнула ножом, случайно брызнув соком индейки на кухонную стену, на свой костюм, на голубой галстук, который Макс подарил ей на День Закона.

Когда экран погас, он вспомнил те времена, когда он однажды улыбнулся Гиа в классе, а в сердце шевельнулось желание, ну, может быть, не в сердце. Неужели он сам навлек это на себя? Но жизнь прекрасна, не так ли?

— «Уверен, что Природа не предаст её любивший дух», — улыбнулся он, когда Гиа вернулась из соседней комнаты.

— «Тинтернское аббатство» опять, — ухмыльнулась она. — Из обращения Вильяма к Дороти. Это будет забавно.

* * *

В то летнее утро ровно в десять часов монитор Интерактивной рейнджер-таможни проверил пропуск Гиа, сертифицировал устройства, указывающие их местоположение и подающие сигналы об опасности, протестировал их обувь на наличие инородных частиц, одобрил их состояние, а затем пропустил их за ворота Макс ступил вслед за Гиа на тропинку. Последнее, что они услышали от ИР таможни, было предостережение о том, что только первый километр дороги был мощеным. На подъеме стена розовых геликоний обозначала дорогу, причем растения были настолько яркими, сочными, без единого изъяна,

что казались искусственными. На спуске с горы стена розовых геликоний театрально утопала в раю цветущих деревьев, виноградных лоз и наполовину скрытых от глаз водопадов. Макс и Гиа показалось, что они воспарили над всем миром, попав в Эдем.

Однако Макс все время думал о другом. Он не виделся с Гиа до тех пор, пока они не встретились в большом аэропорте Лию после того, как по отдельности прилетели с материка. Одно дело — купаться в волнах зависти других немолодых мужчин (таких же лысеющих, как и он сам), наблюдавшими, как он и Гиа встретились, и совсем другое — думать, что на самом деле эта молодая, привлекательная женщина сама устроила все так, что они скоро предадутся греху в ее палатке.

Хотя разве она не забежала к нему пару недель назад, всего лишь чтобы напомнить о времени отлета, одетая при этом в очаровательный мини-костюм? Разве не провела она больше времени, чем было необходимо, очищая его одежду от возможных чужеродных семян, пока они находились в поезде на главной дороге? Разве она не перебирала его волосы, пропуская пряди меж своих пальчиков, будто выбирая из них семена? Они тогда так предусмотрительно обирали соринки друг с друга, подумал он, как ухаживают друг за другом животные в брачный период. Разве это было не так?

— Гиа, — заговорил Макс, закидывая шестидесятифутовый рюкзак к себе на спину, — думаю, нам нужно определиться.

Она посмотрела на него ясными глазами и слегка улыбнулась, услышав надлом в его голосе. Однако он, смущаясь и краснея, не смог прямо высказать то, что хотел; вероятно, он родился в неподходящую эпоху.

— Ты... могла бы взять с собой в путешествие кого-нибудь и помоложе, — неожиданно сказал он.

— Мне хотелось быть с вами, — она смущенно пожала плечами, скользя рукой по упругим листьям. Среди них были и цветы, оранжевые и красные, яркие как попугаи, по форме напоминающие конусообразные клювы, торчащие из-под отороченных пером шляп: Райские птицы; он видел их впервые. И все же что-то в том, как они росли, настораживало его.

— Послушай, если мы находимся в дикой местности, то почему цветы растут так ровно в ряд?

— Разве мы говорили не о нас?

— Извини. Думаю, мы должны сначала преодолеть мощеную часть дороги, чтобы увидеть природу в первозданном виде, — он перевел дух и подступился к той же теме. — И, говоря о дикой природе, я имел в виду, что я тоже хочу жить с тобой вместе в одной маленькой палатке. Так нам будет уютнее...

— Надеюсь, — сказала она, — мне бы хотелось узнать тебя получше. История с Вордсвортом — своего рода предлог.

— А... Потому, что...?

Теперь она замешкалась, и по ее взгляду он мог угадать, что она обдумывает, стоит ли признаваться; это было видно по тому, как напряглась ее спина.

— Если не возражаешь, я хочу иметь от тебя ребенка.

— А... Хорошо, — ответил Макс с замысловатой интонацией, глубоко вздохнув; он крепко обнял ее, чувствуя ее мягкую грудь и отвечая ее порыву. «Видишь? — сказал он сам себе. — Ты все правильно понял с

самого начала».

Но все же то, как она ускользнула от него, превратив крепкое объятие в дружеское, и побежала вприпрыжку вниз по дороге, было несколько странным. Он старался не отставать, но тяжесть рюкзака заставляла его пошатываться. Вскоре дорожка стала грунтовой. Гиа остановилась перед ней на минуту, а потом бодро зашагала дальше.

— «Мое сердце...рвется из груди»? — процитировала она наугад.

Перед ними открылась ложбина с необыкновенно буйной растительностью, которую они могли обозреть с высоты. Пассатный ветер пронес вдали ливневые тучи и теперь над рощей африканских деревьев-тюльпанов, усыпанных красными цветами, раскинулась радуга. Гиа остановилась и, топнув ногой по дороге, подняла облачко пыли.

— Ну вот теперь вокруг действительно дикая природа.

— «Сердце пылает, когда в небе радугу вижу», — процитировал Макс как положено. — Вордсворт точно это изобразил.

Десять минут спустя радуга еще была видна, и он услышал, как Гиа спросила:

— А как бы он описал...?

— «Эти прелестные формы...», — смущенно пробормотал Макс, указывая жестом на деревья и замечая, что он сфокусировал свой взгляд на изгибе коротеньких шортиков Гиа.

— Нет, я не о деревьях, глупый, я о гардениях. Здесь уже нет высаженных в ряд растений. Это действительно дикий ландшафт.

Справа и слева от тропы виднелись кусты гардений с глянцевыми темно-зелеными листьями и белоснежными как бумага цветами.

— Мм..., — сказал он, — я успел просмотреть базу данных по местным растениям, пока ждал тебя в Лию, и выявил, что все растения на Гавайях, исключая эти гардении, завезены сюда. Равно как и те деревья, на которые ты обратила внимание. Африканские тюльпаны. Завезенный вид.

— Ты слишком педантичен. Все это не значит, что они не дикие.

— Правильно, хотя конкретно вот этот куст постригли, — сказал Макс. Он различил на стволе срезанные стебли под нижним слоем листьев. Гиа раздраженно на него посмотрела.

— Ты просто крайний педант.

— Я думаю, что дальше мы наконец-то доберемся до по-настоящему дикой природы..., — сказал он, чтобы подбодрить себя.

* * *

Оказалось, что шагать по горам не так уж и легко. После приятной прохлады на первом подъеме и обманчиво легкого спуска с горы следовал сухой участок тропы, дорога пошла на подъем через отрог, где на осыпях было не за что уцепиться. Затем они оказались в продолговатой ложбине, отгороженной от морского бриза и поросшей сероватой от пыли чахлой растительностью. После этого под лучами солнца, которое пекло все нещаднее, они карабкались в течение часа по огромным, величиной с автомобиль, валунам, в итоге, томимые жаждой, они пересекли высохшее русло ручья и добрались до следующего перевала и наконец вновь погрузились в тропический лес. Но теперь прохлада высокогорной местности стала лишь воспоминанием; в воздухе гудели огромные комары. И, наконец, привал. Когда Макс поднес ко рту свой вегетарианский сэндвич, он вдруг почувствовал, что тот уже подпортился

и начал плохо пахнуть.

— Я не знаю, — сказала Гиа, ее лицо блестело от капелек пота, — должна ли я чувствовать нечто вроде единства?

Ему была видна другая пара молодых людей, которая вышла на десять минут раньше них и уже приступила к завтраку. И, конечно, была еще и другая пара за ними, которая дважды догоняла их и снова, ворча, отставала — они сердито смотрели на них из-за груды мшистых валунов с расстояния метров трехсот.

— Пока еще нет, нет, не единство, — дружелюбно выговаривал он ей, — хотя, конечно, как говорил нам Вордсворт, Природа объединяет. Лучше сконцентрируйся сначала на некоем двуединстве.

Он снова понял к своему стыду, что образы в его сознании соотносились с частями ее тела, и в настоящий момент он пристально смотрел на ее грудь.

— Единство появится позже? — спросила она.

Ему вновь пришла на ум мысль о том, как они останутся вдвоем в маленькой палатке.

— Ты читаешь мои мысли.

Теперь ему предстояло искупаться в горном ручье, который, как он знал заранее, протекал недалеко от назначенного места их стоянки. Ледяная вода поможет ему ощутить дикую природу, решил он. На мгновение он вернулся к Гиа и крепко сжал ее в объятиях. Действительно ли она ответила ему, совершив искреннее движение навстречу, или это было лишь признаком ее нарастающей физической усталости, он не смог бы точно определить. Она положила голову ему на плечо и принялась перебирать его волосы. Он тоже зарылся лицом в ее волосы, ее прелестные каштановые волосы, и замер на миг.

— Эй, да ты совсем потерялся в моих волосах!

Она была настоящей женщиной XXI века, любые романтические ухаживания могли быть с легкостью превращены в случай.

— Ну хорошо, а ты-то что делаешь?

Она все еще накручивала на палец прядь его волос.

— Помните, — спросила она, — как однажды на занятиях вы рассказывали, что во времена Вордсворта влюбленные пары обменивались прядями волос?

— Конечно.

Она отпустила локон, который держала в руках.

— Но это же так замечательно! Я думала об этом целый месяц. И я поняла, что и эта мысль пришла ко мне из ваших лекций, — Гиа улыбнулась. — Мне нравится, как вы вдохновляете меня.

Она покраснела.

— Вот почему я хочу от вас ребенка — есть в вас что-то, что возвышает меня и что-то, что заставляет сделать первый шаг.

Слова девушки снова взволновали его, на лице расплылась глупая улыбка. Теперь он лучше понимал Шелли, Китса, Фанни Браун, Вордсворта и Аннетт Валлон.

— Профессор... то есть Макс. Давайте сделаем это сейчас.

Макс скептически посмотрел назад, на дорогу, где пара, которая шла за ними, опять остановилась в ожидании.

— Я, хм, думаю, что, может быть, мы сначала поставим палатку, пообедаем, сполоснемся...

— Обменяемся прядями волос...?

— Верно. Нет. То есть да.

Макс снял рюкзак и нащупал в нем свой армейский нож, тот, который был с маленькими ножницами.

* * *

— Что здесь творится? — спросил он, когда они дошли до места стоянки. Несмотря на то, что кругом кишели москиты и сороконожки, место стоянки было снабжено столбиками размером с трубу с порядковым номером на них. Неподалеку протекал холодный ручей, он украшал скалы, и, сбегая вниз по склону, исполнял роль ограждения — по меньшей мере, он предохранял от муравьев, что было весьма кстати, так как их муравейники были почти в человеческий рост. До океана было по-прежнему далеко, они едва могли слышать прибой.

— Слава тебе, Господи, — сказала Гиа. — Привал.

Макс скинул с плеч свой рюкзак и вынул из него самособирающуюся палатку. Гиа исчезла в кустах для того, чтобы собрать жучков — к своему разочарованию Макс узнал, что она была насекомо-вегетарианкой и что за обедом ему придется терпеть вид гусениц. Он уже был предупрежден брошюрой Экопарка («обратите внимание на невообразимое разнообразие самого неосвоенного источника пищи на земле»), также он был предупрежден в насекомо-вегетарианском клубе на факультете («можно чудно заморить червячка»), но он надеялся, что она все-таки отведает мясное филе, которое он привез с собой.

Палатка надулась и встала торчком, поэтому процесс закрепления ее напомнил Максу схватку Одиссея с постоянно изменяющим форму Протеем. Разбирая амуницию, полученную вместе с пропуском, он извлек из рюкзака запакованный механизм. Макс с интересом покрутил в руках сигнальное устройство, которое представляло собой плоские кружочки размером с наушники для плеера. Они были увенчаны красными кнопками, с которыми нужно было обращаться очень аккуратно: как только кнопка оказывалась нажатой, рейнджеры, располагавшиеся на вершине горы, сразу же приступали к операции изъятия туриста. Остальная работа Макса была чисто физического свойства: он натягивал навес и устанавливал сетку от мух, расчищал место для огня, собирал сучья, выкапывал яму для отхожего места. От этого тяжелого труда он покрылся испариной и грязью — «первозданной» грязью, решил он. Сквозь острые скалы Макс направился к чистой воде, захватив с собой складное ведро. Насыщенный парами воздух не подготовил его к тому, что вода будет холодной. Как он ошибся.

— Я слышала, как ты вопил, — сказала ему Гиа, когда он вернулся. — Все в порядке?

Макс рассказал ей о ледяном душе.

— Почему ты не воспользовался горячей водой? — спросила она, покрутив в руках клапан на столбике с номером, который Макс принял сначала за столбик-маркер их стоянки — теперь же он мог проследить, как труба пересекает тропинку и поднимается к солнечным батареям, полускрытым в верхушках деревьев.

— Господи, — сказал он, — есть ли здесь хоть что-нибудь натуральное?

— Пожалуйста, не нервничай. Ты напоминаешь мне моего отца.

— Послушай, я думал, что имеем право ожидать того, что Экопарк

сохранил...

— Конечно, здесь не все натуральное. В течение последних ста лет на планете не осталось ничего полностью натурального. Еще в классе вы учили нас тому, что на глубине океана — пластик, в каждом облаке — созданные человеком химические вещества, в каждом пейзаже — обломки цивилизации.

— Думаю, я должен был это предвидеть, — вздохнул Макс. — Но, по крайней мере, Вордсворт остается с нами.

— Который также вовсе не жил на дикой природе, если я правильно помню ваши лекции? Разве мы читали о грязи в его поэмах? О змеях? О злобных москитах? Вы говорили, что он писал так, как если бы он выехал в парк на пикник.

— Ну ладно, ладно, — сказал он, усталый и раздраженный от того, что его же лекция цитировалась ему, — давай наконец развернем эти чертовы спальные мешки.

— Раскрой и мой тоже, — Гиа положила руки на бедра таким же образом, как это делала Акура, когда была раздражена и хотела его прервать. Это насторожило его.

— У меня идея, — сказал Макс, — что если мы поставим палатку где-нибудь в другом месте. Кто узнает? Давай, скажем, поднимемся на этот холмик?

Макс указал на буйно заросший холм, находящийся рядом с самым высоким гребнем горы. Сквозь деревья было видно, что холм увенчан рощицей пальм, под которыми была лужайка.

— Оттуда будет замечательный вид. Мы оба будем довольны.

Они потратили больше часа на то, чтобы запихнуть палатку обратно в узкий мешок и снова запаковать все оборудование. Затем небольшое путешествие — и они оказались на холме. Вид, который открылся перед ними, изумлял: на юге — потрясающе крутые горы, а на севере — глубокий синий океан.

На закате все было приведено в порядок. Макс подумал, что настало время предпринять что-нибудь. Он соскребал кусочки тушеных червячков со своей тарелки, в то время как Гиа выражала свое восхищение его высокодуховному отказу от места стоянки и рассказывала ему, что вот теперь закатные лучи солнца необыкновенным образом ее стимулировали.

Макс почувствовал, как она склоняется к нему, почувствовал ее сладкий и теплый запах, ~ Гиа украсила волосы цветами плюмерии.

— Какие потрясающие цвета, — певуче проговорила она.

Поднатужившись, он извлек из недр своей памяти подходящие строчки из Вордсворта:

«И океан, и животворный воздух,
И небо синее, и ум людской —
Всё мыслящее, все предметы мыслей,
И всё пронизывает»...

За ними, в зарослях кустарника, раздался треск ломающихся Веток. Потом ветки зашевелились со всех сторон: группа бойскаутов в тропическом камуфляже поднималась на холм, сверяясь по своим наручным часам-компасам новейшей конфигурации. Они уверенным шагом подошли прямо к палатке Макса и Гии. Один из ребят спросил, не участвуют ли и они в их ночной рекогносцировке.

Макс проделал в обратном порядке все те же операции с палаткой;

было уже почти совсем темно, когда они снова спустились к месту своей законной стоянки.

* * *

В тот момент, когда он вновь установил палатку, было 11 часов вечера. На этот раз он принял горячий душ. Когда наступила полночь, он с удовольствием соорудил двухспальную кровать, сдвинув спальные мешки таким образом, чтобы можно было прижаться друг к другу.

— Да, я думаю, ты правильно все сделал, — пробормотала Гиа у него за плечом.

По ее настоянию он разместил сигнальные устройства и фонари по обе стороны их кровати.

— Ведь не знаешь, что может случиться в таком диком местечке, — сказала она.

Он галантно вышел из палатки, когда она переодевалась в пижаму. Он разложил энергетические угольки в костре так, чтобы они романтично тлели, излучая спокойный свет, потушил иридиевый фонарь, разделся и повесил одежду на нижнюю ветку дерева. Когда он пробрался в темную палатку и скользнул в спальный мешок, он был совершенно обнаженным.

— А теперь, — сказал он, — я бы хотел для разнообразия показать тебе что-то действительно натуральное.

В тот самый момент, когда его голое бедро коснулось ее кожи, она пронзительно крикнула ему прямо в ухо, да так, что в ушах у него зазвенело.

Макс резко вскочил и схватил фонарь — но включив, он случайно направил его на себя. Яркий луч ударил ему в глаза и неудачно осветил интимные подробности его тела. Она продолжала кричать. Наконец, Максуду удалось направить луч света на вход в палатку, он вывалился из нее, ничего не увидел, заскочил обратно, пришлёпнув по дороге особенно агрессивного комара. Первое, что он заметил, это то, как привлекательно ее обтягивала шелковая ночная рубашка, как она обрисовывала ее выступающие в ответ на его призыв соски. Затем он заметил красный огонек, мерцающий на сигнальном диске, защищающем в экстренных ситуациях, который был прикреплен к спальному мешку.

— Что ты сделала? Там же никого нет. Что... Что... О, Боже! Теперь они снимут нас с маршрута.

— Извините.

Макс обмотал вокруг себя спальный мешок, со страхом глядя на мигающий красный огонек и силясь понять, что происходит.

— Извини, значит? Боже, Гиа! Рейнджеры будут здесь через двадцать минут.

— Я же сказала, что сожалею. И зачем вы рвались наружу, как дикий зверь? Надеюсь, из лучших побуждений.

— Послушай, — сказал он, — у нас есть еще чуть меньше двадцати минут. Есть еще время... Мы еще можем успеть.

— Не будьте вульгарным.

— Но это же ты сказала, что хочешь от меня ребенка.

— Сексом я буду заниматься со своим бойфрэндом, — ответила она.

— Но послушай, Гиа: это же ты сказала, что хочешь от меня ребенка.

Все закружилось у Макса перед глазами, ему казалось, что палатка вертится вокруг него.

— Правильно, — сказала Гиа, — теперь, получив прядь ваших волос и образец ДНК, я могу родить ребенка, когда захочу. А вы что думали...? К тому же, именно вы и подсказали мне идею о пряди волос, но заниматься любовью с мужчиной, который годится мне в отцы... Боже, что за вульгарность.

— Ну, спасибо тебе большое.

— Не сердись так. Сказать по правде, я почти поддалась искушению. Ведь пока я выберусь отсюда и увижу Бруно, пройдет целая неделя.

— Как это целая неделя? Ты не понимаешь, что ты нажала на кнопку сигнализации? По закону рейнджеры вывезут тебя отсюда. И штраф 40 тысяч долларов за ложный вызов...

— Но мне вряд ли придется покинуть эти места. Ведь я нажала только на ваш сигнализатор. Только вам придется уехать.

Действительно, огонек на её диске, лежащем на подушке, не мерцал в темноте.

— Честно говоря, я очень расстроена, — продолжила она. — Я ведь узнала много нового о Вордсворте сегодня. Теперь некому будет меня учить.

— Нет, я проучу тебя, — сказал Макс, схватив диск сигнализации с ее подушки, — вот тебе урок дикой человеческой природы.

— О, Господи, не надо!

Ее сигнализатор издавал едва слышимое жужжание, когда он выдрал его красную кнопку. Макс подумал, летит ли именно за ними вертолет, звук которого уже донесся до него.

— И отдай мне мою прядь волос, — сказал он в мерцающей тьме.

* * *

В Блумингтоне улицы были пусты, контрастируя с людными домами в Кокии, с устремившимися к вулкану тропинками на Биг Айленд, с кричащими казино в Вайкики.

Акура встретила его в аэропорту. Она была одета в длинное пальто-шинель, которое выглядело очень странно в такой солнечный день. Но когда они дошли до машины, она широко распахнула пальто; он от удивления выронил свой рюкзак. Под пальто у нее было только нижнее белье ~ экипировка тигрового раскраса приподнимала грудь и заканчивалась высоко на бедрах.

— О...

— Называй меня Дикой Штучкой. Я занималась самоанализом во время твоего отсутствия. И нашла себя.

Он благоразумно не стал упоминать о возможной роли ревности в этом ее выборе ни в тот день, ни в тот вечер, ни в ту ночь, ни на следующее утро, когда она выпила все шампанское, довела до изнеможения их обоих и чуть не изувечила себя на всю оставшуюся жизнь.

— Господи, — сказал он, — это было потрясюще.

— Ммм. А на самом деле о чем ты думаешь?

— На самом деле? Вспоминаю кое-что из Вордсворта.

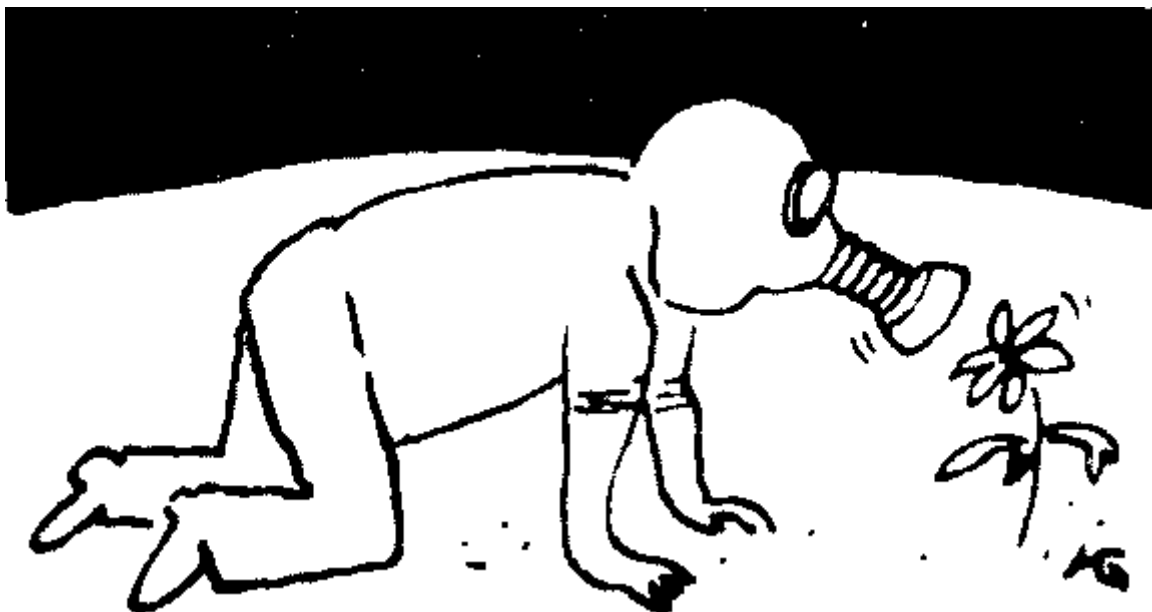
— Прочити.

— Строчки из «Прелюдии»:

«Не на Утопии, таинственном острове в дальней дали!

Лишь в мире особом, который есть мы сами

У каждого найдётся место — иначе суждено едва ли —
Для счастья!»

К. Д. Вентвортс
ВНОВЬ РОЖДЕННЫЙ³
(Рассказ)
Перевела Виктория Коршунова

Моя лучшая подруга, Гармония, хотела прийти ко мне позаниматься, поэтому я позвонила домой и спросила Иисуса, что будет на обед. Он сказал, что не знает и что ему все равно. Поскольку он постился, то не выходил из своей ниши в гостиную, даже когда мама готовила его любимую лазанью. Говорил, что ему нужно думать о более важных вещах, таких, например, как состояние его бессмертной души.

Иисус все время разглагольствовал о душе. Если бы мама знала, каким занудой он станет, когда научится говорить, она бы никогда не решилась взять кредит на приобретение дурацкого клона Сына Божьего. Я бы на ее месте купила блестящий чёрный «Хаммер», но в то время мне было только два года и моего мнения никто не спрашивал.

Отец ушел от нас, когда мне было десять, а Иисусу — восемь. Сказал, что с него хватит. Даже в восемь лет Иисус уже всех изводил, без конца таская домой сбитых на дороге котят, чтобы воскресить их из мертвых.

Гармония считала, что иметь дома собственного Иисуса это кошмар: все равно что жить в церкви и вместо апельсинового сока пить за

завтраком святую воду. Но она была католичка, и ей каждое воскресенье приходилось слушать проповеди священников о бизнесе по клонированию святых. Трудненько не поддаться. Правда, хотя вся эта жуткая неразбериха началась с Туринской плащаницы, Гармония считала, что виной тут выдумка протестантских ученых, которую мы теперь и расхлебываем. Лучшая моя подруга иногда бывала просто невыносимой.

Иисусу Гармония тоже не нравилась. Она всегда ему грубила, к тому же её черные, всегда стоящие торчком, в виде шипов, волосы напоминали ему гвозди — а не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, как Иисус относится к гвоздям. Когда она приходила, он всегда бурчал что-нибудь вроде «пустите детей приходить ко мне»⁴. Гармония бесилась и обращала его внимание на то, что ей семнадцать и она не ребенок. А Иисус только улыбался с умным видом, как будто не был на целых два года младше.

В тот день, после школы, мы с Гармонией зашли домой через заднюю дверь и свалили наши книги на стол. В кухне до сих пор пахло беконом с завтрака, но куча грязной посуды в раковине Иисуса ничуть не заботила. Как можно было целый день сидеть дома и палец о палец не ударить? Не могу поверить, что мы до сих пор вносим за него платежи. С таким же успехом мама могла бы просто сжечь эти деньги.

Мне нужно было делать тригонометрию, а Гармонии — дописать сочинение по «Алой букве», самой бессмысленной повести на свете. Свое я уже сдала. Написала, что Эстер крутила со священником. Ну и что с того? Она была молодая, почему бы ей не провести хорошо время? Этим пуританским ребятам стоило бы вовремя избавиться от своих задвигов.

За кухонной стойкой Иисус аж скосил глаза к носу, пялясь на стакан с водой. Прыщи у него снова расцвели буйным цветом, а волосы были длинные и нечесанные — в подражание сами знаете кому. Ему тоже стоило избавиться от своих задвигов.

— С этой водой ничего не произойдет, — сказала я, просто чтобы поддеть.

— Заткнись, Бейли! — ответил он, обороняясь. — Она уже розовеет.

— Ага, конечно.

Гармония пролистала «Алую букву», затем мрачно уставилась в текст.

— Каждый раз, когда я пытаюсь это прочесть, мне хочется врезать этой самой Эстер, — начала она. — Почему бы ей просто не сказать этим придуркам, чтобы они...

— Терпимость, — произнес Иисус. Он принял величавый вид, который долго репетировал. — Не судите, да не судимы будете.

— Слушай, передохни немного! — Гармония свирепо посмотрела через плечо на его тощий зад. — Разве ты не должен сидеть у себя в конуре?

Он взял стакан и выпил жидкость.

— Да, определенно вино, — отметил он, — отличное, настоящее каберне.

— Это называется не конура, а ниша, — сказала я, — она для раздумий и молитв. И он не обязан там сидеть, если сам не захочет. — Я открыла учебник по тригонометрии и вытащила листок с наполовину

4 Марк 10:14: «Увидев [то], Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им, ибо у таковых есть Царствие Небесное».

решенными задачами. — Он не раб.

— Но и не нормальный человек, Бейли, — заявила Гармония. — Иначе он должен был бы ходить в школу, как мы с тобой.

Вообще-то первые несколько клонов Иисуса ходили в школу, но власти быстро решили, что их присутствие «мешало учебному процессу». Мама попыталась записать его в технический колледж учиться на плотника, но он отказался прийти даже на первое занятие, так что теперь наш Иисус совершенствовался дома. Порой.

Мы позанимались с полчаса, пока Иисус развлекался себе в кладовке, кроша кусочки хлеба, чтобы проверить, сможет ли он приумножить хотя бы крошки.

В конце концов у меня в глазах зарябило от цифр и мозга за мозг зашла. Я больше не могла.

— Поеду в «Пирсинг что надо» в торговом комплексе, сделаю еще один прокол, — сказала я. — У Лейни Эндрюс теперь тоже по четыре дырки в ушах, и я сдохну, если не сделаю пятую раньше неё.

— Разве директор Уингейт не предупреждал, что не допускается больше трех проколов? — Гармония с шумом отодвинула стул. — Опять нарываешься? Хочешь, чтобы тебя снова послали домой?

— И это будет ужасно, не правда ли? — я потянулась и посмотрела на Иисуса. — Хочешь поехать?

— Тьфу ты! — буркнула Гармония.

Иисус отряхнул крошки с ладоней. Я заметила, что на нем были его лучшие вытертые джинсы, в меру мешковатые и обтрепанные, и новая оранжевая гавайская рубашка, стильно помятая. Он выглядел старше своего возраста, выше каждой из нас, и в сущности, смотрелся совсем неплохо для того, кто считается таким святым. Может, он это заранее подстроил?

Он улыбнулся, показав нам брекетy, — на каждом зубе виднелось крошечное изображение футбольного мяча.

— Там, кажется, есть фонтан в торговом центре?

— О нет! — простонала Гармония. Она выдавила мусс на свои черные волосы и пальцами укрепила фиксацию на «шипах». — Только не надо снова показывать этот дурацкий трюк с прогулками по воде. Это выглядит жалко!

— Обещай, — сказала я Иисусу, — никаких водных процедур — или не поедешь.

— В любом случае, я не смогу остаться надолго, — ответил он. — В пять у меня Группа.

— И я полагаю, ты хочешь, чтобы я тебя отвезла?

Он сунул руки в карманы.

— Можешь просто дать мне ключи от своей машины.

— Щас, — я закатила глаза, — бегу и тапочки теряю!

Несмотря на то, что Иисусу было пятнадцать и у него было учебное разрешение на вождение, мама не позволяла ему садиться за руль, даже когда сама была рядом. Он слишком много рисковал, потому что безоговорочно надеялся на Бога. Однако Бог ни разу пока не счел нужным вмешаться, и теперь, после двух угробленных машин, наш Иисус ходил пешком.

Гармония усадила его на заднее сиденье, чтобы мы могли представить, будто его здесь нет. Но он был. Я затылком чувствовала, что он молится.

— Прекрати, осёл! — сказала я. — Ты же знаешь, что здесь места для немолющихся. Не вынуждай меня лезть назад и калечить тебя!

— При том, как ты водишь, неразумно отвергать помощь, даруемую тебе.

— Я тебе говорила не брать его! — продолжала гнуть свою линию Гармония.

Я припарковалась у торгового комплекса, и мы вошли туда с северной стороны, подальше от фонтана, рядом с местом паломничества всех шмоточниц: «Аберкромби и Фитч» и «Гэп», — хотя денег на одежду ни у кого из нас не было. Мама была такая прижимистая, а отец Гармонии вообще был какой-то ненормальный, когда дело касалось этого вопроса. Он даже отнял у нее кредитную карточку после того маленького происшествия с норковым ошейником.

На Иисуса, естественно, вообще не было надежды в плане наличных. Как только мама давала ему несколько центов, он тратил их на попрошаек и пожертвования. Это отнюдь не значит, что ему не хотелось новый скейтборд или модные шмотки. Господь позаботится обо мне, говорил Иисус, но после того, как он просаживал свое пособие, заботиться о том, откуда все это появится, приходилось маме.

Сегодня у меня хватало денег только на то, чтобы проколоть уши, поэтому с меня взятки были гладки. Гармония решила развлечься, примеряя всякие дорогушие тряпки, и направилась в «Гэп».

Я сказала Иисусу сидеть на скамейке рядом с магазином, пока я не закончу со своими ушами. Каждый раз, когда он видит кровь, хотя бы каплю, начинается очередное «я могу тебя исцелить», что *tres*⁵ обескураживает. Иногда мне хочется провалиться сквозь землю.

— Бейли, через час у меня Группа, — напомнил Иисус, когда я уже входила. Ещё бы я забыла! Иногда я думала, что собрания его группы были единственным, что держало нас в здравом уме.

К тому времени, когда я вышла с двумя новыми гвоздиками, Иисус уже исчез. Я выругалась про себя, надеясь, что он не нашел какой-нибудь подиум, чтобы оттуда снова доставать скучающих покупателей речами о хлебах и рыбах.

Я прошла через «Гэп», чтобы найти Гармонию, и обнаружила, что Иисус тоже был там — тащил ее пакет.

— Мне казалось, у тебя денег нет, — сказала я.

— У меня и не было, — она улыбнулась Иисусу самым бессовестным образом. — Зато у него были.

— У Иисуса? — я чувствовала, как мои брови ползут вверх. — Ты шутишь, наверное?

— Я нашел 20 долларов на полу в «Фуд Корт», — сказал он, — искал какого-нибудь нищего, но в торговом центре их нет, а потом я встретил Гармонию.

— А я крайне нуждалась в этой рубашке, — Гармония забрала пакет из рук Иисуса. — Классный благотворительный акт!

Он таращился на нее с выражением, которое обычно приберегал для изображений святых.

— Нам надо идти, — сказала я смущенно. — Иисусу пора на собрание Группы.

5 *Tres* (фр.) — очень.

Группа Иисусов собирается каждую среду в оздоровительном центре Христианского союза молодежи, в комнате, которая воняет хлоркой, потому что расположена рядом с бассейном. Я планировала просто высадить нашего парня, но Гармония хотела посмотреть, что из себя представляет это собрание.

У дверей нас встретил Брэд-Иисус, более упитанная версия нашего.

— Мы рады гостям, — сказал он, — тем более друзьям и членам семьи. Но вы должны будете сидеть вне круга и вести себя тихо.

— Ну уж нет, — я покачала головой. От такого количества Иисусов на квадратный метр у меня мороз прошел по коже — Мы за ним заедем, когда вы закончите.

— Да ладно тебе, Бейли, — сказала Гармония. — Давай посидим пару минут.

Брэд-Иисус просиял в ответ лучезарной улыбкой, которую они все при желании могут воспроизводить, и она потащила меня за собой к ряду металлических стульев у стены.

Чинно заходили все новые Иисусы, некоторые младше нашего, некоторые старше. Каждого приветствовали по имени, которое тот принял по настоянию Группы. Наш Иисус выбрал имя «Карсон».

— Крутое имя, — шепнула мне Гармония.

— Он надеется, что его возьмут в «Великолепную пятерку»⁶, — ответила я. Мои новые проколы кровоточили. Все, чего я хотела, это поехать домой и лечь.

— Собирайтесь, люди, — Брэд-Иисус жестом поторопил всех. — Мы же не хотим терять время.

Один из присутствующих, наверное, был новичком, потому что он все ходил и ходил кругами, как если бы они играли в Кто-быстрее-сядет-на-стул.

— Не стесняйся, — сказал Брэд-Иисус. — Мы все здесь Христы, поэтому не надо церемониться.

Новичок сел рядом с нашим Иисусом, который отодвинулся, чтобы сохранить дистанцию между ними.

— А теперь, — начал Брэд-Иисус, — давайте разберемся с ритуальными вопросами. Во-первых, кто-нибудь на этой неделе совершил чудо?

Послышалось неловкое шарканье ног. Все опустили головы.

— Что, неужели ни одного? — Брэд-Иисус выглядел недовольным. — Как же так! Нам надо стараться.

Наш Иисус поднял руку.

— Я превратил воду в вино, — сказал он. Я вскочила:

— Неправда!

Он повернулся и впился в меня испепеляющим взглядом.

— Превратил!

6 «Великолепная пятерка» (The Fab Five) — ведущие мегапопулярного в США еженедельного шоу «Гей научит натуральных парней» (Queer Eye for a Straight Guy) на канале Bravo. В течение часа команда из пяти экспертов-геев, ответственных каждый за свою область (кухни и вина, дизайн интерьера, стиль, уход за волосами и культура), должна превратить «неуклюжего» и «недалекого» гетеросексуала в утонченного денди Карсон Крессли — модельер, писатель, актер и наездник. В «Великолепной пятерке» отвечает за стиль.

— Враньё! — стояла я на своём. — Оно даже не порозовело!

— Это было белое вино, тупица!

— А ну-ка, Карсон-Иисус, — мягко сказал Брэд-Иисус. — Исторический Христос не лгал и не обзывал людей.

— Откуда вы знаете? — ответил наш Иисус. Угри полыхали на его красном лице, как только что выжженные клейма. — Он же не писал блогов! К тому же, я не он! И никто из нас тоже!

— Это уж точно! — я скрестила руки на груди и опустила обратно на стул. — Дурацкие клоны!

— Мы здесь не употребляем слово на «К», — упрекнул меня Брэд-Иисус.

— Смотрите! — один из Иисусов ткнул в меня пальцем. — У нее из уха кровь идет!

Проклятье! Я начала рыться в своем рюкзаке в поисках бумажного платка.

Все в кругу, как по команде, поднялись.

— Я могу исцелить рану, — с жаром сказал один из них.

— Нет, дай я!

— Нет, я!

— Я хочу это сделать!

— Э-э... Бейли? — Гармония подергала меня за рукав. — Может, нам пора?

Я окинула взглядом приближающихся Иисусов. С таким азартом обычно кидаются на 50-процентную распродажу одежды в бутике. «Банановая Республика».

— Да, — отозвалась я, — думаю, ты права.

Мы бросились к выходу, а позади нас Брэд-Иисус призывал свое воинство вернуться на места.

— Кому-нибудь на этой неделе было откровение? — спросил он, повышая голос, чтобы его было слышно — Или, может быть, видение? Кто-нибудь знает, когда наступит конец света?

— Я знаю, — сказал кто-то, и половина наших преследователей остановилась послушать. От остальных мы избавились, прошмыгнув через бассейн: бросили их смотреть, разинув рот, на то, как вся женская команда по синхронному плаванию в полном составе стоит под водой на голове.

Иисусы так предсказуемы.

С нашим Иисусом, естественно, справиться было не так легко.

— Я теперь на собрание Группы носа не смогу показать! — сказал он, плюхнувшись на заднее сиденье моей машины.

Я с щелчком пристегнула ремень.

— Ну почему же. Твой нос, да в принципе и все лицо, точно такой же, как у каждого в этой Группе. Как они определяют, что это был ты?

— Это жестоко, — ответил он.

— Да, — поддержала Гармония, — жестоко. Она обернулась и посмотрела на Иисуса. — Я думаю, ты гораздо симпатичнее остальных.

— Пожалейте мои уши! — взмолилась я.

— Я есть хочу, — сказал Иисус. — Давайте остановимся у «МакДональдса».

Я стала выезжать на дорогу и совершенно не заметила движущуюся сбоку машину. Послышался визг тормозов. Я показала ей средний палец.

— Ты же вроде постишься?

— Это раньше, — сказал Иисус. — Сейчас пост прошел.

Я вздохнула.

— Разве ты не должен уметь превращать камни в хлеб? Спорим, в парке можно найти немного аппетитных голышей.

— Не говори глупостей, — сказал он — Я хочу Биг Мак

— Как будто ты можешь за него заплатить! — я повернула за угол на двух колесах.

— Еще осталось немного от двадчатки, которую он нашел в торговом центре, — вмешалась Гармония. — Мы можем взять на троих один из их комбинированных обедов.

Иисус подался вперед:

— Гигантский?

Так что нам, конечно же, пришлось заехать в «МакДак» и стоять в очереди в кассу рядом с другими ненормальными из этой округи. Я предпочитала не забивать свои сосуды этой ерундой. Ни за что на свете. Но мне надо было присматривать за Иисусом. А Гармония, надо сказать, вела себя странно, словно бы сильно к нему потеплела. Эта двадчатка, там, в торговом центре, сильно повредила ее способность оценивать ситуацию.

Она вытащила пятидолларовую бумажку и пригоршню мелочи, а потом отдала деньги Иисусу, так как сама в это время выскребала выкатившиеся четвертаки со дна сумочки.

Иисус заметил рядом с салфетками одну из этих идиотских пластмассовых копилочек для неимущих, которая собирала деньги в пользу лагеря, где детей из малообеспеченных семей учили «что надеть, чтобы преуспеть». Подразумевалось, что таким образом их самооценка повысится. Прежде, чем я могла ему помешать, Иисус запихнул весь запас наличных в щель посередине.

Гармония подняла голову:

— Вот еще тридцать пять...

Иисус сиял.

Она уставилась на его пустые руки.

— Что ты сделал с деньгами, дурак?

— Ничего такого, чего бы он не делал сотни раз до этого, — сказала я. — Ладно, давайте забудем об этих деньгах.

Но Гармония не могла этого так оставить:

— Ты что, так прям всё вышвырнул?

— Я не швырял, я пожертвовал их на благое дело, — ответил Иисус. — Разве ты не знаешь, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу попасть на небеса?

— Опять недержание! — она толкнула Иисуса в плечо, а затем перевернула копилку, пытаясь подогнать свою пятерку обратно к щели.

— Эй! — окликнул её из-за прилавка менеджер. — Ну-ка, положи на место! — Он был здоровый парень и по комплекции напоминал кеглю в боулинге.

Гармония трясла копилку, словно терьер, поймавший крысу. Два цента и металлическая шайба выпали и покатились по полу.

— Я хочу вернуть свои деньги!

— Раз положила, лапуля, пусть там и остается, — менеджер устремился через прилавок, оттолкнул Гармонию и установил коробку на место. Вся мелочь со звоном упала обратно на дно. Пот градом стекал по

щекам менеджера.

— Итак, я вызываю полицию или вы трое убираетесь отсюда?

Затем он прищурился, внимательно разглядывая Иисуса:

— Ещё один из этих проклятых святош. Я должен был догадаться. Проваливай из моего заведения! Мы здесь обслуживаем только настоящих людей!

Иисус набычился — так, как это всегда бывало, когда следовало ожидать неприятностей. Если первый Иисус был хотя бы вполнину так же упрям, как этот, Марии и Иосифу пришлось несладко.

— Фарисей! — воскликнул он.

— Отлично, значит, все-таки полицию, — менеджер достал свой сотовый телефон и начал набирать номер.

— Нет, мы уходим, — я схватила Иисуса за рубашку и потащила к выходу. — Видите? Мы уходим.

— Пусти! — Иисус хотел меня стукнуть, но промахнулся. Держу пари, тот Иисус тоже был слабаком, когда дело доходило до драки.

Я трясла его, пока у него скобки на зубах не задребезжали:

— Тебя снова арестуют, и маму удар хватит. Я тебе обещаю: если ты сию минуту не засунешь свою задницу в машину, я расскажу в твоей группе, какая у тебя замечательная коллекция херувимчиков!

Он побледнел.

— Ты этого не сделаешь!

— Хочешь проверить? — я произнесла это с такой холодностью, на какую только была способна.

— Проклятье! — он стряхнул мои руки. — Иногда ты бываешь такой паршивкой!

— Думаю, настоящий Иисус не говорил «паршивка», — вставила Гармония.

— Это потому что он не знал тебя! — он ожёг ее взглядом, от которого впору было расплавиться железу, и зашлепал к стоянке. Гармония обиженно шла сзади.

— Ну, парень, тебя вообще никуда с собой нельзя брать! — сказала я, когда он проскользнул на заднее сиденье.

Мы завезли Гармонию домой, потому что у нее должно было быть свидание. С кем-то, кого она нашла через онлайн-услугу знакомств — ничего лучше придумать не могла!

Потом мы поехали домой. Мама уже пришла из магазина и доставала из пакета банки с зеленым горошком.

— Привет, ребята, — поздоровалась она, едва мы переступили порог, — как сегодня прошла Группа?

— Кучка слащавых нытиков, — ответил Иисус. — Терпеть их всех не могу.

— Ясно, — сказала она, как будто так на самом деле и было, хотя, на мой взгляд, ничего ей было не ясно и ждать, что станет яснее, не приходилось. С другой стороны, она купила хлеба вдвое больше обычного, так что кое-что она все-таки об Иисусе знала. Он был помешан на хлебе, а уж про рыбу и говорить не стоит.

— Я к себе в нишу, — сказал Иисус и протопал из комнаты.

— Что-то произошло на встрече Группы? — поинтересовалась мама. — Он еще ворчливее, чем обычно.

— Как ты различаешь? — спросила я шепотом, помогая разбирать

содержимое пакетов.

— Бейли, — сказала она, — нам надо быть терпимее к Иисусу. Ему тяжело. У него много обязательств и принципов, которые он должен соблюдать. И он здесь не по своей воле.

— Да, но и не по моей тоже.

— Я знаю, — ответила мама, обнимая меня, — но в конце концов, все образуется. Мы просто должны переждать.

— А это и папы касается? — спросила я. — Он что, сейчас где-то там тоже переживает?

И естественно, она не нашла, что ответить на это.

Мама легла спать, а я как раз заканчивала свою тригонометрию около полуночи, когда через кухню прошмыгнул Иисус, закумуфлированный в чёрные кожаные штаны и чёрную же футболку. Я с раздраженным стуком положила карандаш на стол.

— Куда это ты собрался?

— Не твоё дело, — ответил он. — Возвращайся к своему тупому домашнему заданию.

— Как смешно! — скривилась я. — Сейчас живот надорву.

Он ничего не сказал, просто отпер дверь и исчез в ночи. Прекрасно, подумала я, просто прекрасно. Когда завтра утром его не окажется дома, мама во всем обвинит меня. Я взяла ключи и последовала за ним.

Поравнявшись со следующим домом, Иисус зашагал по дорожке, не оглядываясь. Я шла за ним до парковки возле продуктового магазина, через шесть кварталов от нашего, а затем спряталась за телефонным столбом на другой стороне улицы и принялась наблюдать.

На стоянке было припарковано много машин, несмотря на то, что магазин уже несколько часов как был закрыт. Собралось больше Иисусов, чем я когда-либо раньше видела в одном месте, — по меньшей мере тридцать — они кучковались, смеялись и болтали, совсем как обычные люди. На большинстве была одежда из черной кожи, и наш очень хорошо вписывался. Сейчас он выглядел счастливым.

Мне показалось, что я заметила девушку в середине толпы, а все остальные были сплошь клоны. У меня мурашки пробежали по коже, когда я обнаружила, что на каждом болтался крестик — либо на цепочке на шее, либо в ухе. Некоторые крестики были даже с драгоценными камнями и мерцали в свете уличных фонарей. Это было поистине жутко. В смысле, если бы я была Иисусом, то уж крестик стала бы носить в последнюю очередь.

— Ну что ж, давайте начнем! — над общим гулом раздался голос одного из них, и разговоры стихли. — У кого пробный экземпляр?

— Вот она! — ответил кто-то и вытащил вперед за руку девушку. У нее были черные волосы «шипами», совсем как у Гармонии.

— Пусти! — крикнула она высоким, писклявым голосом, и я поняла, что это и есть Гармония, втиснутая в свое самое узкое и короткое черное платье. Мои пальцы впились в телефонный столб. Что она делала с этой ватагой? Ей же даже наш Иисус не нравился.

И еще у нее была тонна лиловых теней на веках.

— А где музыканты? — спросила она, с тревогой оглядываясь.

— Ну же, давайте убьем её, — сказал высокий Иисус в возрасте. Он взглянул на свои простертые пальцы. — Я чувствую, что сегодня я могу это сделать.

— У каждого будет возможность, — произнес другой Иисус. Он был одет в красную кожу, а его крестик был усыпан рубинами.

— Что значит «убьём»? — Гармония старалась опустить свою облегающую черную юбку пониже. — Ты сказал, мы пойдем на вечеринку. Отвратительное фырканье прокатилось по толпе.

— А это и есть вечеринка, — заметил кто-то. — Точнее, вечеря!

Все засмеялись еще громче.

— Я иду домой! — в голосе Гармонии слышались слезы. — Вы все именно такие идиоты, как я и представляла.

— Ну давайте, ребята, — сказал парень в красном. — Мы не можем воскресить ее, пока она жива. Давайте покончим с этим!

Гармония попыталась пробиться через толпу, но несколько Иисусов поймали ее за руки. Я закрыла глаза и постаралась собраться с мыслями. Самым лучшим было бы позвонить в 911, но я оставила мобильник дома заряжаться. Даже если я сейчас со всех ног кинусь домой, полиция не успеет добраться вовремя.

«Думай, Бейли, думай!» — говорила я себе. «Ты практически всю жизнь прожила под одной крышей с Иисусом, хоть какую-нибудь идею!»

Гармония завизжала, и я бросилась через улицу.

— О, какое мужество! Да, настоящие мачо! — сказав это, я сунула свои дрожащие руки в карманы. — Газетам понравится!

— Ещё одна кандидатура! — сказал Красная Кожа. — Ночь обещает быть райской.

Гармония взглянула на меня с земли, ее тушь потекла. Кто-то заткнул ей рот сувенирной банданой из Ватикана.

— Полиция уже едет, — сказала я, как только кольцо скалящихся лиц обступило меня. — Я просто подумала, вдруг вам, уродам, будет любопытно.

— Бейли, иди домой! — это подал голос наш Иисус. Он стоял с другой стороны. — Тебе здесь не место.

— Я тоже так думаю, — ответила я. Я поймала и удерживала его взгляд. — Сам иди домой.

— Это важное дело, — сказал он. — Не вмешивайся в то, чего тебе никогда не понять.

— Все эти мертвые котята, которых ты притаскивал, — начала я. — Они ведь не сами по себе умерли, так? — я наклонилась и помогла Гармонии подняться на ноги. Она всхлипывала, ее запястья были связаны шнурками.

Толпа Иисусов наступала.

— Нет, — ответил он, не вынимая руки из карманов. Он выглядел мрачно. — Это часть инициации.

— Гармония тоже для этого предназначена? — я дергала за шнурки, но узлы были затянуты слишком туго. Проклятье! Тут нужен был нож.

— Нам надо практиковаться, дурочка, иначе мы никогда не научимся толком.

— Ну, тренируйтесь на чем-нибудь другом, — сказала я. — Если мама узнает об этом, она тебя посадит под домашний арест до конца жизни, — я взяла Гармонию за руку. — Мы уходим.

— Никуда вы не пойдете, — вмешался Красная Кожа.

Годы стараний совладать с Иисусом превысили критическую отметку в моем мозгу. Я была сыта по горло всеми этими чудачествами только ради того, чтобы соответствовать историческому Иисусу, что само по себе

было глупо: никто не мог знать, что Он в действительности сделал и почему.

— Прочь с моих глаз, Мистер Святоша, или мне придется выцарапать твои!

Красная Кожа, опешив, отступил.

— Вы все идиоты, — бушевала я, — каждый из вас! Постоянно пытаетесь стать кем-то еще, но только не собой. Меня от вас тошнит.

— Две смерти вместо одной! — закричал кто-то позади. — Гораздо больше практики! — толпа рассмеялась и начала двигаться к нам.

Я вздрогнула.

— Пойдем, Гармония, — прошептала я. — Надо выбираться отсюда.

Она прислонилась ко мне, не в силах сделать шага.

— Смотрите! — раздался сзади голос. — Вон там! Плавающий куст!

Орда Иисусов сомневалась.

— Нет, подождите-ка! — прозвучал тот же голос. — Я ошибся. Клянусь всем, что свято, но это два плавающих куста!

Они обернулись и увидели, как над парой ярко-желтых кустов форзиции, среди участка растительности на другой стороне парковки, поднимался густой дым.

— Отче! — закричал один из толпы, и вот уже все бежали по направлению к кустам, требуя ответа.

Кроме одного Иисуса, в черных кожаных штанах, со скобками на зубах и с запущенными угрями. Оставшись позади, он наблюдал за тем, как его со-клоны собираются возле двух костров, подпрыгивая, оживленно жестикулируя и смеясь.

— Бестолковые, все до одного, — сказал он и сунул спичечный коробок обратно в карман.

Выходит, чтобы знать, как справиться с Иисусами, нужно самому быть Иисусом.

— Ты идешь домой? — спросила я.

Перочинным ножом он разрезал шнурки на руках Гармонии.

— Да, — ответил он, — похоже на то.

Вдвоем поддерживая Гармонию, мы поспешили перейти улицу и свернуть за угол, прежде чем Иисусы обнаружат, что их горящие кусты подозрительно неразговорчивы.

— Кстати, помнишь тех мертвых котят... — сказал он, пока мы то ступали на островки света от фонарей, то снова погружались в темноту.

— Да?

— Я находил их после того, как их сбивали машины. Они были уже мертвы, — пояснил он.

— Я знаю, — ответила я, причем действительно в этом не сомневалась.

Когда мы вернулись домой, я позвонила в полицию и рассказала им о том, что произошло. Отец Гармонии пытался предъявить обвинение, но устроенная на следующий день полицией очная ставка свелась к фарсу. Гармония была заманена в шайку Иисусом, с которым она познакомилась по сети, но это был не Красная Кожа, а как можно было отличить остальных друг от друга?

Несмотря на то, что шайка хвасталась своей «практикой», в делах полиции за последние шесть месяцев не было ни одного нераскрытого исчезновения, так что, скорее всего, это был просто треп. Мы должны

были довольствоваться тем, что Группу Иисусов распустили. Позже, однако, я слышала, что они организовали себе лигу регби, как более подходящий способ для выхода их агрессии.

Мама, конечно, заставила Иисуса сидеть дома, но всего месяц — не так уж плохо, учитывая его участие в тех событиях. В конце он всё исправил, сказала она, так и было. С этим я не могла поспорить.

Она говорит, что ему надо чаще выбираться из своей ниши в гостиную, и заставляет его посещать плотницкие курсы в Техническом колледже. Уже прошло две недели, и у него действительно получается. А еще говорят, что чудес больше не происходит!

Что касается меня, то я стараюсь быть с ним помягче. Думаю, каждый получает того Иисуса, которого заслуживает.

А ведь могло быть хуже. Мама могла бы вместо этого заключить контракт на покупку клона непорочной Девы Марии.

**Виктор Алекс
ШАРИК
(Рассказ)**

Есть люди покладистые, надёжные, с известной долей житейской сметки и здоровым практицизмом. Они всегда приветливы, добродушны и особенно хороши тем, что лишены всякой оригинальности, так что даже самый заурядный человек на их фоне может щегольнуть своими небольшими способностями. На них можно рассчитывать в душевную непогоду, и всё же, когда поживешь с ними несколько дней, узнаешь поближе их дела и заботы, до того покажется всё тоскливым, серым, скучным и ненужным, как бывает в нудный осенний дождичек. И потому стараешься видаться с ними нечасто, и больше по делу, или чтобы излить душу, и с облегчением расстаешься, чтобы забыть до следующего раза когда возникнет в них нужда. Вот к такому типу людей и принадлежал Боря.

У него была невыразительная, какая-то обыденная внешность, невзрачная фигура, обвисшие плечи. Единственное, что было в нем необычное — это глаза. На маленьком личике они казались даже большими. В них проглядывала обнаженная растерянность, как будто неожиданно показали всему миру его сокровенную тайну. Словно стараясь спрятать эту тайну, он старательно избегал взгляда собеседника, а при разговоре всегда смотрел в пол. Речь его звучала невнятно, как старая, стертая магнитофонная запись. Вообще в его манере держаться была скованность механизма, работающего по узкой, раз навсегда заданной программе. Это впечатление еще усиливалось от его натянутой улыбки, которая при всей её искренности казалась резиновой, и болтающимися при ходьбе руками, которые издали походили на рычаги работающего агрегата. Его болезненная застенчивость не имела границ: даже с родителями он не мог говорить свободно. В свои 35 лет он еще пребывал под их опекой, во многих жизненных вопросах был сущим

ребенком, и хотя прошел институт, армию, работал несколько лет в офисе, где все было построено на общении, сохранил кристальную непорочность: не пил, не курил, а женщин панически боялся. Он вёл ограниченный образ жизни в рамках замкнутого треугольника: дом, работа, родители, родственники родителей; он совсем не имел друзей, а с несколькими приятелями, с которыми поддерживал отдаленное знакомство, виделся нечасто и больше по их инициативе. Этому способствовала его удивительная пассивность, полное равнодушие ко всему на свете. Зная его еще со школы, я не помню, чтобы он когда-либо чем-нибудь интересовался и поэтому я страшно удивился, когда увидел у него на столе учебник парапсихологии и две работы известного французского психиатра Жаве.

В тот день я заскочил к Боре с тем, чтобы перехватить денег рублей до получки. Я начал издали. Вначале я жаловался на свою несчастную жизнь, потом — на жену, потом стал осторожно переходить к главной теме нашей встречи, т. е. к тяжелому материальному положению. Вдруг Боря спросил, не занимаюсь ли я по-прежнему нумизматикой. Я удивленно посмотрел на Борю. Дело в том, что в университете я поочередно увлекался то эпиграфикой, то палеографией, то русской лингвистикой, ну и в том числе и нумизматикой. Но это было в прошлом, а теперь я был серьезным сотрудником серьезного издательства и охладел практически ко всему кроме семьи, покупок, и своего старенького канцелярского стола на работе. Все это я начал было говорить Боре, но он прервал меня:

— А не мог бы ты определить возраст одной вещи. Дело в том..... дело в том.....

Он смущенно замялся.

— Пожалуйста, — сказал я, а про себя подумал, что наверно какой-нибудь делец пытается узнать стоимость монеты, чтобы потом загнать ее втридорога.

Боря смущенно завозился с ящиком стола и вынул маленькую коробочку темного бархата. Обычно в таких коробочках продают кольца с драгоценными камнями. Боря нерешительно протянул мне коробочку и пробормотал:

— Только, пожалуйста, не смотри на свет.

Я открыл коробочку. В ее бархатном ложе белел камень голубоватого цвета. Я перекатил камень на ладонь и поразился его фантастической легкости — казалось это не камень, а маленький воздушный шарик. Поверхность его была гладкая и холодная.

— По-моему это опал, но при чем здесь возраст? Это тебе лучше спросить у геолога, а я хоть и бывший, но все-таки историк.

— Там здания и надписи, — пробормотал Боря машинально и тут же осекся, испуганно смотря на меня.

— Здания? — я решил, что Боря шутит. — Что за ерунда!

Я поднес шарик к самым глазам. Вблизи он не казался опалом, а был похож на запотевшее стекло.

— Наверно это поделка какого-нибудь кустаря XX века, — сказал я авторитетно. — Похоже из дымчатого хрусталя. Как он к тебе попал?

Я подошел ближе к окну.

— Только не смотри на свет! — умоляюще пробормотал Боря.

«Да что он так боится этого света? — подумал я. — Дай-ка я все же посмотрю!»

Я быстрым движением поднял шарик к лучу света. Он вдруг начал сам собой светиться и превратился в ослепительную голубую звезду. И это голубое сияние властно потянуло меня к себе. Я еще успел заметить, как Боря с криком «Не смотри!» кинулся ко мне и почувствовал, как весь растворяюсь в ослепительном голубом сиянии. И вот я уже не стою в комнате, а парю над холмистой равниной окутанной голубоватой дымкой.

В том, что я именно парил, не было сомнения: ветерок дул мне в лицо, парусил брюки, и холодными струйками скользил под рубашкой. Над краем равнины встало оранжевое сияние, я понял, что наступил рассвет. Равнина медленно наплывала на меня, и скоро стали различимы перепончатые листья странных деревьев, напоминающих пальмы. Между ними проглядывали белые овалы непонятных предметов. Видимо я снижался. Ветерок стал слабее. Кроны деревьев замелькали совсем близко. Только тут я заметил, что лечу со значительной скоростью. Вдруг прямо передо мной возник цилиндрический столб. Столкновение было неминуемым. Я в ужасе закрыл глаза, но меня только слегка качнуло. Когда я вновь открыл глаза, столб исчез. Я летел уже на уровне деревьев. Их листья были мясисты и покрыты длинными волосами. Некоторые деревья были выше остальных, но странное дело, я проходил сквозь них как через воздух. Я пытался рассмотреть овальные предметы, мелькающие между стволами, но я летел так быстро, что разглядеть их было невозможно. Все же мне показалось, что они были на подпорках. Лес неожиданно оборвался. Внизу мчалась равнина, усеянная крупными валунами. Меж валунов кое-где попадались кусты растительности. Валун летел все стремительнее. Трудно было понять, снижаюсь ли я или это просто увеличивается скорость. Каменистая равнина кончилась. Я догадался, что это было плоскогорье, а за ним внизу открылась долина, где проплывали веретенообразные здания со ступенчатыми башнями, плоские платформы, занимающие большую площадь, и тонкие спиральные мачты. И сразу же мной овладело чувство радостного предчувствия, невыразимого блаженства и того полного, разрывающего на части счастья, которое я давно не испытывал в жизни. И при этом возникла грустная мелодия, нежная, мягкая, к чему-то призывающая. С каждым аккордом она усиливалась, гремела все более властно, завораживая, вызывая непередаваемо сладкое чувство, которое переполняло всё мое тело и делало его совершенно невесомым. Аккорды достигли невероятно большой силы, и я почувствовал, что сейчас произойдет что-то прекрасное. Тем временем я летел низко над зданиями, которые теперь имели вместо крыш купола. Купола были прозрачные и там, в их глубине, будто в голубоватом киселе, плавали непонятные предметы. Не знаю, почему они мне казались необыкновенно привлекательными и даже родными (хотя я так и не смог различить их контуры). Аккорды мелодии достигли апогея. Властная сила приподняла меня и заставила взглянуть в сторону рассветного горизонта. Он теперь пламенел неестественными яркими красками. Цвета с каждым мгновением менялись и становились нестерпимо яркими. Вдруг над горизонтом встало что-то багровое и косматое. Что — я не успел рассмотреть: невыразимое чувство экстаза пронзило меня всего насквозь, и я понял, что это косматое — самое дорогое для меня существо, что это счастье только здесь. Последним усилием я рванулся к нему...

Первое, что я увидел, когда очнулся, была ножка серванта. Я лежал на полу, и Боря хлопотал возле меня. С его помощью мне удалось

добраться до кресла. Перед глазами плавали светящиеся точки, а в голове бухал тяжелый молот.

— Что это было? — прохрипел я, ворочая тяжелым как гиря языком. — Откуда это у тебя?

— Я...я... нашел его, — пролепетал Боря в полной растерянности.

— Ты кому-нибудь показывал?

— Нет, я боялся.

— Чего же ты боялся?

— Я боялся, что его отберут. А я без него не могу, он стал для меня всем...

Так, вопрос за вопросом, выпытал я Борину тайну. По его словам, в детстве он жил с родителями на даче. Как-то раз, он играл с ребятами в прятки и, чтобы лучше укрыться, залез в ящик со всякой рухлядью. Вот здесь, в ящике, набитом растрёпанными учебниками, сломанными ручками и огрызками карандашей, и нашел Боря этот шарик. Вначале он не обратил на него внимания, а просто взял как подбирают дети все блестящие и катающиеся предметы. Шарик долго валялся в карманах, потом попал в игрушки, вместе с игрушками переехал в Москву. Здесь Боря пробовал поменять его на солдатика, но его не взяли. С досады Боря забросил шарик в дальний ящик стола, где шарик провалялся еще два года.

При очередной разборке письменного стола Боря положил шарик на полку. В ту же ночь Боря проснулся от странного ощущения, к тому же сильно саднило глаза. Боря поворочался с боку на бок и случайно взглянул на полку. Там сияла холодная зеленая звезда. Это было так необычно, что Боря не сразу догадался, что это шарик, на который упал лунный луч. Из любопытства мальчик взял шарик и, конечно, посмотрел на свет. Картина, которую он увидел, была более расплывчатая, чем видел я, но все равно произвела сильное впечатление: на изумрудной равнине двигались неясные серые тени. С этого случая Боря и пристрастился к шарiku. Он лежал у Бори под подушкой. Он ждал, пока все заснут, тихонько отодвигал занавеску и ловил шариком луч луны. Изумрудную равнину он больше не видел, зато часто повторялась одна и та же картина: крупные звёзды со всех сторон и мертвая тишина. Картина повторялась так часто, что Боря даже стал узнавать созвездия. Особенно ему запомнилась гирлянда из шести ярких звезд. Однажды мимо него на бешеной скорости пронеслось странное тело, имевшее вид пылающего облака. Тело пронеслось совершенно бесшумно, после него остался шлейф из разноцветных искорок. Иногда он как бы плавал в чернильной темноте, среди смутных очертаний предметов — ему казалось, что это живые существа.

Наступили ненастные дни. Луны уже не было, а в темноте шарик не светился. Не знаю почему, но Боря был уверен, что шарик показывает картинки только ночью. Он уже настолько привык к ночным видениям, что скучал без них, чувствовал пустоту жизни и заметно осунулся. Родители повели его к врачу. Здесь он имел неосторожность проболтаться о шарике. Шарик внимательно рассмотрели и ничего необычного не нашли, зато Борю, потом долго таскали по разным психиатрам и пичкали лекарствами, от которых он и в самом деле стал себя плохо чувствовать. К счастью, он догадался соврать, что все эти видения он просто нафантазировал и почерпнул из фантастических романов. Его оставили в покое, и теперь он смотрел шарик в глубокой тайне, тщательно скрывая и

оберегая свою страсть. В это время он открыл, что от света лампы или фонаря шарик дает изображения менее яркие, чем при луне, зато более разнообразные. Он видел багровый шар, над которым вздымались рыжие языки; темные маслянистые волны океана, беспрестанно накатывавшиеся на берег, расплывчатый силуэт фосфоресцирующего гриба, который возникал из мрака, какие-то большие темные массы со слабо светящимися паутинками и многое другое. Так проходили месяцы и годы. Окружавшая жизнь перестала его интересовать. Он учился из-под палки, выполнял все дела кое-как, был рассеян, забывчив и несколько не от мира сего. Он стал нелюдимым, замкнутым и перестал чем-либо интересоваться. Шарик заполнил собой все. Еще только проснувшись утром, он уже мечтал о том дивном часе ночи, когда он направит луч фонарика на свой шарик. И весь день он ожидал этого мига. И лишь ночью он жил полнокровно и чувствовал всей душой — все остальное время было жалким прозябанием.

Только на первом курсе института он открыл, что шарик дает картины и при дневном свете, причём особенно чёткие и сильные изображения, если посмотреть сквозь него на солнце. От ночных видений эти картины отличались поразительной силой впечатления и тонкими нюансами душевного настроения от смутной тревоги до неистовой радости. Причем с течением времени изображение становилось все осязаемее, рельефнее, так что возникало желание потрогать предметы руками. Помимо города, который я видел, он часто парил над страной, усеянной плантациями пальм (деревья были посажены правильными рядами), над пустынями с какими-то странными сооружениями, похожими на гигантские блюда; над бирюзовым океаном, гладь которого вспарывали какие-то гигантские животные; несколько раз он подолгу висел над площадкой, где стояли странные сооружения, напоминающие кастрюли без ручки; и уже в последние годы он стал часто снижаться над городом. Город ему представлялся в золотистом свете. Он плыл над загадочными куполообразными зданиями. Некоторые из них соединялись арками, похожими на дуги мостов. Те самые площадки, которые удивили меня, оказались огромными сооружениями с плоской крышей. Некоторые из них занимали площадь не менее гектара. Боря как-то исхитрился рассчитать высоту полета и уже с помощью простейших геометрических правил вычислил длину и ширину прямоугольных сооружений. Конечно, эти расчеты он делал после видения в нормальном состоянии. С каждым разом он как бы снижался, скоро он летел на уровне куполов города, а потом опустился почти к его мостовым. Вот тогда-то он и заметил, что многие купольные здания имели письма — иногда мелкие, но иногда огромные, в рост человека. То, что это были надписи, а не орнамент, Боря был совершенно уверен. Он даже убеждал меня, что надписи состояли из слов, т. е. обособленных групп знаков, более-менее ритмически повторявшихся. Внешне эти надписи имели вид переплетенных в разных сочетаниях шнурков с двойными и тройными узлами. Направление надписей было самое различное: иногда в строку (подобно нашей письменности), иногда по диагонали, но чаще всего по кругу или спирали.

Улицы, над которыми парил Боря, были всегда пустынными, и вообще весь город производил впечатление давно заброшенного места. Как технаря Борю поражало полное отсутствие какой-либо техники, хотя конструкция домов была довольно сложной, которую без развитой техники просто нельзя было построить. Поражал его и сам материал

домов: на кирпич, бетон, камень он был совершенно непохож. Временами стены ему казались прозрачными, временами, как зеркало отражали свет, иногда выглядели сделанными из пористого материала. Не исключено, что здесь большую роль играл свет — видения редко повторяли друг друга, да и освещение иногда бывало расплывчатым. Часто приближаясь к стенам домов, Боря проходил сквозь них — тогда изображение мутнело, и кроме цветного тумана Боря ничего не видел, хотя и пытался всеми силами рассмотреть внутреннее устройство зданий. Что было еще удивительного в этих зданиях — в них полностью отсутствовали дверные и оконные проемы, стены были совершенно гладкими, зато местами, особенно в верхней части зданий, свешивались длинные иглы, торчавшие в разные стороны

Вначале во время полетов Боря боялся даже пошевелиться, но потом заметил, что может двигать руками и ногами и даже менять свое положение. Он делал попытки хвататься за стены зданий — но рука уходила по локоть в стену, причем ушедшая часть руки не была видна. Только иглообразные отростки стен на ощупь казались мягкими, и рука в них не погружалась. Все попытки Бори оторвать отростки от стен кончались неудачей, но зато он заметил, что хватаясь за отростки, он может замедлить скорость полета. Однажды Боря взял с собой в путешествие фотоаппарат. Но все плёнки оказались засвеченными. То же самое получилось и с кинокамерой, которая вдобавок совершенно разладилась, что было довольно странно, так как аппарат в обычных условиях вел себя превосходно.

Однажды привычный город предстал в неожиданном свете. Вся картина была в мрачных вишнево-фиолетовых красках, над городом стоял огромный шар темно-фиолетового цвета, громадные языки тянулись от него, казалось, до самых куполов зданий. Здания дрожали, от них исходили как бы испарения похожие на токи нагретого воздуха; над улицами плыло фиолетовое море. Некоторые здания вдруг начали корчиться и изгибаться — так ведет себя горящая бумага — но огня не было видно, зато над дальней частью города поднимались столбы дыма. Боря и раньше испытывал самые разнообразные чувства, внушенные шариком, от радости до легкого беспокойства, но здесь его охватило чувство гнетущего страха, какой-то надвигающейся опасности, которая волной холодного ужаса захлестывала все его существо. Он почувствовал себя незащищенным и ничтожным пигмеем перед лавиной надвигающегося несчастья. И это чувство было таким сильным, так раздирало его, что Боря заплакал. И еще ему было неприятно, даже омерзительно видеть этот шар. Он старался даже не смотреть на него, но какая-то злая сила тянула его взглянуть на шар, и снова ему становилось страшно.

В тот день Боря позвонил мне и слабым голосом сказал, что он разбился при возвращении. Я, бросив недописанный квартальный отчет, помчался к нему. В комнате был такой разгром, как будто в нее бросили гранату, диван лежал на боку, рухнувший на пол сервант перегораживал комнату, обрывки занавески свисали с лампы, а под ногами хрустело битое стекло. Лицо у Бори было в порезах и синяках, он прижимал к голове вафельное полотенце все в бурых пятнах. Еще он сказал, что все тело болит, и левая рука не сгибается. Я отобрал у Бори полотенце и вздрогнул: его голова была мокрая от крови. Наскоро я перебинтовал Борину голову, заставил выпить стакан портвейна и приступил к расспросам. Из сбивчивых ответов Бори я понял только то, что он зажег

свечку рядом с шариком, а потом решил подогреть шарик на огне. Вначале он увидел в глубине шарика лицо, (Боря уверял, что это была женщина, причем блондинка с фиолетовыми глазами). Лицо перешло в факел, он увидел со стороны свой дом, распадающийся на кубики, а дальше на него обрушился чудовищный смерч, его завертело по комнате, кругом все трещало и рушилось, его швыряло на какие-то острые углы, он потерял сознание, а когда очнулся, позвонил мне. Боря дрожал, руки его были ледяные. Он держал здоровую руку перед собой и смотрел на камень выпученными глазами. Мне сразу не понравился этот взгляд. Я решил напоить его чаем и повел на кухню. В коридоре он мне шепнул:

— Я так хотел бы увидеть её еще...

На кухне я зажег газ, поставил старый чайник на огонь.

— Достань печенье, есть хочется, — тихо попросил Боря.

Я полез в тумбочку, а когда вернулся к столу, Боря стоял около плиты. Чайник был, сдвинут в сторону, он близко держал шарик у огня конфорки. Даже из моего дальнего угла было видно, как ярко светится шарик.

— Слушай, наверно не надо... — начал, было, я, но не успел закончить.

Что-то треснуло, взметнулся огненный столб. Последнее что я успел увидеть, были разъезжающиеся в стороны бетонные плиты потолка.

Очнулся я уже в больнице. Врачи сказали, что из-за утечки газа взорвалась плита. Боря погиб, меня взрывной волной выбросило из кухни. Я уцелел, но получил множественные переломы рук, ног, сотрясение мозга, отбитые почки и многое другое. Больше в доме жертв не было, но здание дало опасную осадку, и его решили снести. Жильцов уже выселили. Два месяца я лежал в гипсе, и медсестры кормили меня с ложечки. Потом я стал потихоньку ходить на костылях. В это время ко мне пропустили следователя, и он неделю мучил меня расспросами о последних минутах перед катастрофой, о Боре, не заметил ли я в его поведении чего-нибудь странного. Я догадался сказать, что мы пили портвейн, потом Боря пошел ставить чайник, ну а больше я мол, ничего не помню. Это вполне устроило следователя ~ он торопился скорее отчитаться — и больше я его не видел.

Когда меня выписали, я сразу взял такси и поехал к Бориному дому. Руины были уже разобраны, а на месте дома два экскаватора копали котлован. Опираясь на палку, я ковылял вокруг стройки, внимательно смотря под ноги, но конечно ничего не нашел.

Прошло двадцать лет. Я теперь живу в противоположном конце города и стараюсь не заглядывать в эти места. Иногда, чтобы избежать очередной пробки, я еду кружным путем через знакомый переулок. На месте Бориного дома стоит здание детского сада. Хотя все вокруг совершенно изменилось, но когда приближается ограда детского сада, у меня холодеет в животе. Тогда я включаю громкую музыку и прибавляю скорость. Я стараюсь не вспоминать о Боре. Однако в ясные звездные ночи, когда я выхожу покурить на балкон, я смотрю на грустную луну и становится жалко, что я так и не успел тогда заглянуть в это загадочное женское лицо. И тогда я думаю, что, может быть, шарик уцелел, и его кто-нибудь подобрал в руинах. И кто знает, может быть, сейчас другой мальчик направляет его на свет луны, и перед его глазами плывут силуэты ступенчатых построек, отростки стен и фиолетовые леса.

Эдвард Родоусек
СКАЛОЛАЗ⁷
(Рассказ)
Перевела Ива Герасименко

Морские волны нежно поднимали и опускали его, играя с ним, как с винной пробкой. Шевеля ногами в тепловатой воде, он наслаждался уютом невесомости. Стоило ему решить повернуть к берегу, как развесёлая полька заставила его выпрыгнуть из кровати.

Глядя сквозь небольшое пластиковое окно передвижного дома, скалолаз с удовольствием заметил, что утреннее небо над серовато-голубыми зубцами горных вершин, окружавшими долину, уже покраснело. Он не уставал изумляться бескрайней глубине неба цвета индиго, где несколько одиноких звёзд всё ещё сопротивлялись восходу. Только приглушенное гудение бензинового генератора, питающего передвижной дом электричеством, нарушало ночную тишину.

Скалолаз решил не бриться. Если бы он также отказался от бутерброда, то ко времени прибытия первых самолётов покрыл бы уже треть подъёма. И, если всё пройдет по плану, к сумеркам он, возможно, доберётся до приюта Райта.

Он выпил кружку растворимого кофе и забросил за спину старый потёртый рюкзак. Он вспомнил подозрительный взгляд молодого менеджера, когда он прибыл в кемпинг прошлым вечером. Скалолазу рюкзак достался в наследство от деда, одного из последних энтузиастов скалолазания в этом районе, и несколько музеев предлагало ему неплохую сумму за него.

Потом скалолаз надел старомодные гольфы — конечно, его портной посчитал что они были ему нужны для костюмированного бала — и две пары тонких синтетических носков. От своей последней пары поношенных шерстяных носков он был вынужден избавиться несколько месяцев назад. Но его многократно стираный коричневый ангорский свитер, который он получил в наследство от старого дядюшки, до сих пор был в порядке, хоть и немного тесноват для него.

Скалолаз попытался спуститься по перфорированным металлическим ступеням как можно тише. Это было не просто из-за громоздких сапог с рифлёной подошвой, которые он купил давным-давно в магазине, продававшем реквизит для киносъёмки. Из своего припаркованного внедорожника он достал длинную верёвку, пачку скалолазных кроков, молоток, кошки и свою кирку с настоящей деревянной ручкой. Асфальт парковки был усеян пустыми пивными бутылками, целлофановыми пакетиками, пустыми коробками из-под желе и палочками от мороженого.

Миновав пластиковую ограду, обносившую кемпинг, скалолаз сошёл

с бетонной дороги, где множество разноцветных линий приглашало туристов к различным достопримечательностям. Все знали, что жёлтая линия приводила туристов к пристани кораблей на воздушной подушке для водных прогулок, синяя линия вела к СВВ — самолётам вертикального взлёта, а сменяющиеся зелёные и коричневые линии вели к комбинации лифта и канатной гондолы с климат-контролем.

Скалолаз глубоко вдохнул морозный утренний воздух и почувствовал слабый запах дикой полыни, который он помнил со времени прогулок, на которые ходил с бабушкой в раннем детстве.

Тут на тропу вырвалась шумно жужжащая уборочная машина, водитель которой подозрительно покосился на скалолаза, наверно из-за его смешного наряда.

Когда первые лучи восходящего солнца коснулись скалолаза, он облокотился на уступ, чуть запыхавшись. Его утомило не восхождение, а бесчисленные ограждения, барьеры, стены и препятствия, предназначенные для направления многочисленных групп туристов. Он должен был либо двигаться в обход, либо перелезть через них, чтобы добраться до склона.

В последнее время из этой долины туристы начали стартовать в путь по приятному маршруту в Скалистые горы — которые в прошлом были практически недоступны. Многие искали здесь нетронутую экзотику, вытесненную из всех остальных мест буйным развитием туризма. Скалолаз с горечью вспомнил, как гору Рашмор сравнивали с землей, чтобы построить крупнейшее казино за пределами Лас-Вегаса. Теперь любой — из тех, кто мог это себе позволить — мог посетить представление живого секса на одном из гигантских плотов, которые скользили вдоль Большого каньона, или пойти на финал бейсбольного чемпионата в амфитеатре Йеллоустоунского национального парка, или отпраздновать наступление Нового Года на гигантских бетонных платформах горы Маккинли, которая для такого особого случая превращалась в один огромный фейерверк.

Эта же долина располагалась не очень далеко от крупных городов, цены тут были относительно недороги, а природа до сих пор достаточно дикая. Даже обычные предупреждения, запрещающие любое схождение с тропы под угрозой штрафа, здесь ещё не появились. Скорее всего, никому из бюрократов не пришло в голову, что кто-нибудь из туристов захочет сделать такую глупость. Это отсутствие запретов было одной из причин, почему скалолаз выбрал здешние места для отпуска. Другой причиной было его ностальгическое воспоминание о приюте Райт из детства.

Полжизни он ждал случая выполнить обет, данный себе тогда: хоть раз снова испытать чувство покорителя гор, испытанное тогда, при первом восхождении.

Скалолаз чувствовал тоску по той глубокой, торжественной тишине, объявшей его, когда он поднялся так невероятно близко к звёздам. Лишь в церкви прежде испытывал он девятилетним мальчиком такое почтительное восхищение, как на тех покрытых снегом склонах. После утомительного дня восхождения, он забрался в спальник мешок деда. Казалось, он едва смежил веки, когда его разбудили. Едва занялся серовато-голубым рассвет, дед указал на противоположный склон и протянул бинокль. Мальчик долго искал между неясными, обманчивыми тенями, прежде чем нашёл небольшое стадо животных. Четыре или пять самок, два детёныша и высоко на тёмном уступе неподвижная фигура

гордого горного козла, который подозрительно втягивал ноздрями воздух и глядел в их направлении. Мальчика охватила дрожь. Вид перед его глазами задрожал и, когда он вернул бинокль деду, на глаза навернулись слёзы от необъяснимого восторга.

Скалолаз шёл по узкой тропе, заброшенной десятилетия назад, как можно было судить по выцветшим знакам и обветшавшим предостережениям о смертельной опасности и персональной ответственности туриста. Регулярно поддерживалось только состояние флуоресцентных панелей объявлений. Большинство из них рекомендовали «Пену» — новый, модный напиток, который выпускался в трёх вкусах: мяты, виски и апельсина; а все три содержали слабое возбуждающее средство.

Как только скалолаз достиг первой горной осыпи, над его головой шумно пронеслись моторные дельтапланы: около полдюжины, обычная молодежь, у кого доставало сил после буйной ночи, лететь по прямой линии. Они по одиночке и парами висели на перекладинах машин в многоцветных флуоресцентных костюмах, поддразнивая друг друга. Стоило одному заметить скалолаза, он тут же подал сигнал, выпустив окрашенный дым, чтобы привлечь внимание остальных.

Они собрались в тесную группу, выписывая опасные виражи и стараясь впечатлить девушек своим мастерством. Юнцы что-то кричали, переводя тягу в полный газ, хохоча в полное горло. Вскоре им это надоело, и они улетели; но скалолазу пришлось подождать немного, пока слух не вернулся к норме.

Когда скалолаз пересёк осыпь, то добрался уже достаточно близко к склону и мог приблизительно определить его крутизну. Пока ничего особенного, нужды использовать ледоруб или крюки нет. Плохо только, что приходится некоторое время оставаться в колее под канатной дорогой.

Где-то на середине подъёма приблизительно в двадцати ярдах над его головой медленно проплыла большая, двухэтажная гондола, и несколько пассажиров обеспокоенно помахали ему в поддержку. Но большинство торопливо подбежали к окнам чтобы сфотографировать такую диковину — человека который взбирался в гору! Скалолаз отвернулся, чтобы не ослепнуть от множества вспышек.

Потом он столкнулся с первой сложностью: скала становилась всё более и более сыпучей, и в следующие полчаса ему пришлось использовать ледоруб. Всё это время он слышал надоедливое жужжание вертолёта. Внутренне он проклял пилота за такую усердную демонстрацию туристам горных красот. Когда же, в конце концов, добрался до на узкого уступа, где можно было повернуться, то взглянул вверх и заметил опознавательные знаки ГСС — Горной Спасательной Службы на надоедливом вертолёте.

Из открытой двери вертолёта свешивались ноги человека в форме спасателя. Разобрать слова, долетавшие из мегафона, было практически невозможно: «...проинформи...ны. Вы ...нены? Вам ну... мощь?»

Скалолаз жестами попытался объяснить, что всё в порядке. Сильный ветер от несущего винта вертолёта поднимал раздражающие клубы пыли, которая набивалась в рот и нос, и вскоре ему пришлось буквально согнуться вдвое, потому что ветровку раздувало парусом.

Чуть позже скалолаз заметил небольшой предмет, на конце медленно

спускавшейся к нему верёвки. Наконец, верёвка отцепилась, и скалолаз поднял виниловую сумку с небольшим мобильником.

Скалолаз нажал правильную кнопку; держа телефон подбородку самого рта он начал кричать в крошечные дырочки.

— Я просто на небольшой прогулке и в полном порядке. Я не нуждаюсь в помощи; я опытный скалолаз.

Некоторое время он слышал только треск, потом мужской голос спросил:

— Что вы сказали — кто вы?

— Скалолаз, тренированный скалолаз.

Казалось, человек на другом конце телефона с кем-то совещался.

— Эй, ты!

— Да, я хорошо вас слышу.

— Попытайся как-нибудь добраться до ровной площадки рядом со следующей колонной. Там мы сможем опустить спасательную корзину с вертолётa и постараемся тебя поднять. Ты понял?

— Я вас понимаю, но вот *вы* меня не понимаете! Повторяю — я не нуждаюсь в вашей помощи. Я здоров и в хорошей форме. И совершенно не устал, у меня есть необходимое скалолазное оборудование. Большое спасибо за ваше беспокойство. Пожалуйста, занимайтесь своими обязанностями где-нибудь в другом месте. Конец связи.

Скалолаз взмахнул руками и показал международный знак, соединив большой и указательный пальцы в кольцо, — мол, всё в полном порядке. Экипаж вертолётa продолжил поднимать пыль ещё несколько секунд, а потом из мегафона донеслось: «Хорошо, приятель. Делай, как знаешь».

Вертолёт описал грохочущий полукруг и улетел. Скалолаз отёр пыль с лица, сел на покрытый лишайником камень и открутил крышку фляги с фруктовым чаем.

Следующие полчаса скалолаз продвигался по узкой тропе, круто менявшей направление, явно не для склонных к головокружению. Когда в тени появились первые наносы грязного снега, он достиг почти вертикальной расщелины, так называемого камина, тянувшейся вверх несколько сотен метров. Только здесь он сможет проверить свои способности. Он глубоко вдохнул, расставил ноги пошире, упёрся спиной об одну из сторон расщелины и начал осторожно подниматься.

Через несколько десятков метров стенки камина разошлись настолько, что скалолазу пришлось вбить в трещины два крюка. Чуть позже он решил перейти на правую сторону, которая показалась более многообещающей, чем левая. Других неудобств, кроме капли от тающего наверху снега, пока не было.

Но стоило скалолазу остановиться отдохнуть на уступе не шире его ступни, как он ощутил дрожь. Вначале колебания были такими слабыми, что он решил было- почудилось; но они постоянно усиливались. Что бы это могло быть? Землетрясение или...

Не успел скалолаз завершить свои рассуждения, как колебания переросли в грохот, будто от гигантского водопада. Несколько небольших камешков упало сверху на плечи, и скалолаз забеспокоился, так как вскоре и камни побольше начали осыпаться, отскакивая от стен трубы, обрушиваясь в бездну. Вдруг и его рюкзак, висевший на выступе, отцепился и соскользнул вниз. Скалолаз распластался по склону, прильнув щекой к холодному, мокрому камню, закрыв глаза. Источник

дрожи двигался снизу вверх, грохот стал практически непереносимым, а потом быстро затих где-то над его головой.

Приятную тишину нарушал лишь затихающий стук камней глубоко внизу. Теперь он смог понять, что случилось.

Конечно. Как это он сразу не догадался? Тут только несколько ярдов скалы отделяли его от гигантской шахты СГЛ — Сверхбыстрого Горного Лифта. Это было новейшее и важнейшее достижение современной технологии, установленное под давлением требований бесчисленных туристов, у которых кружилась голова от вертолётных и канатных дорог. С тех пор как СГЛ был построен, поток туристов к местным пикам утроился. Это поразительное достижение техники состояло из двух параллельных шахт — медленного и быстрого подъёма. Первая была предназначена для тех туристов, которые хотели насладиться промежуточными остановками, где они могли приобрести лёгкие закуски. Безостановочный лифт поднимал туристов одним мощным рывком, преодолевая почти два с половиной километра до вершины скалы за шесть минут. Каждый пассажир получал вместе с билетом предостережение против использования безостановочного варианта людьми с больным сердцем.

Хорошо, что скалолаз предусмотрительно повесил верёвку на грудь, а не на рюкзак, который теперь уже был потерян. Ранее, он прицепил на петли в своём ремне дедовские кошки и связку крюков. Это оборудование было незаменимо и вряд ли могло продаваться в здешних краях. Некоторые другие вещи, типа спального мешка, фонарика, питья и еды, он попытается купить на ближайшей платформе. Однако из-за этого происшествия ему придётся отклониться от запланированного направления подъёма.

Для того чтобы добраться до ближайшей платформы — Четвёртой — ему придётся пересечь большой ледник. На это уйдёт не менее двух часов, если всё пойдёт по плану, а то и больше, если нет. Тогда добраться до приюта Райта до заката не удастся, и ему придётся отночевать в гостинице на Четвёртой Платформе. Скалолаз надел на ботинки кошки и сделал первый шаг на гладкую поверхность ледника.

Скалолаз радовался, что так тщательно наточил свои кошки — теперь сцепление было безупречным. Примерно через полчаса он достиг основания гигантской решётчатой конструкции, которая поддерживала световую рекламу «Магии», чудодейственного крема против облысения. Помнится, это объявление называли самым большим во всём северном полушарии. Говорят, в безоблачные ночи, свет от этой рекламы можно было увидеть за сотни миль. Но, видеть этого монстра вблизи было совершенно другим делом.

Четыре бетонных опоры были неровной высоты, из-за крутизны склона. Даже самая низкая из них была с многоэтажный дом.

Пустотелая конструкция над опорами образовывала трёхмерную сетку, которая несла отдельные буквы объявления. Каждая была величиной с пусковую площадку для космических ракет. Сами буквы состояли из многочисленных прожекторов, к которым змеились пучки изолированных проводов.

Скалолазу пришлось запрокинуть голову, чтобы разглядеть вверху тихо гудящий трансформатор, который легко мог бы питать целый квартал. У основания конструкции снег растаял на много метров, обнажив голые камни. Это красноречиво говорило, настолько силен был жар,

излучавшийся рекламой, когда она включалась с наступлением темноты.

После небольшого колебания, скалолаз присел на свободной ото льда поверхности и снял свои кошки. Было бы непредусмотрительно дать их захватам затупиться. Без труда он пересёк практически всю каменистую часть, и уже мог различить вдали крайнюю левую несущую опору Четвёртой Платформы.

По трещинам в каменистом склоне под ногами скалолаза струились мутноватые ручейки, и ветер шумел, налетая на стальную конструкцию. Но последние несколько минут ему слышалось что-то ещё. Какой-то шелест, словно кто-то рвал бумагу. Как он ни осматривался вокруг, установить причину этого звука не мог. Когда скалолаз наконец достиг противоположного края ледника, то присел и снова прикрепил кошки к ботинкам. Здесь ветер дул сильнее, заглушая все остальные звуки. Он сделал несколько шагов по ледяному покрову, и вдруг почувствовал судорогу в правой ноге, а секундой позже и в левой. Он озадаченно поднял с земли левую ногу, размял мышцы голени и судорога исчезла. Но стоило сделать ещё один шаг, как ногу снова свело, теперь намного сильнее, и он невольно застонал. В то же время загадочный звук вернулся, теперь с удвоенной силой.

Скалолаз посмотрел наверх и наконец понял, что это было.

В каких-то тридцати шагах от него дёргалась чёрная змея свободно висевшего электрического кабеля и остро шипела каждый раз, когда она касалась грязной поверхности льда, испещрённой множеством ручейков.

Скалолаз не смел ступить больше ни шагу, только смотрел на кабель как замороженный, будто кролик на приближающуюся гремучую змею. Временами кабель замирал, плавясь на конце. Потом, без видимой причины, хлестал несколько вправо-влево, как хвост раздражённой кошки, что только усиливало искрение.

По спине потёк ледяной пот. Скалолаз понимал, что паника может ему стоить жизни. Теперь было особо важно оставаться спокойным и предпринимать дальнейшие действия только после тщательного размышления.

Скалолаз понимал, что возле него вся земля была под большим напряжением, которое не было равномерным, что означало, что каждый участок поверхности был под другим напряжением. Судороги в ногах были первым признаком что ток проходил через его тело. Ему надо было как можно быстрее покинуть это место. Но идти, касаясь земли обеими ногами попеременно, было нельзя. Если ему хотелось остаться в живых, не оставалось ничего другого, как прыгать только на одной ноге.

В теории всё замечательно. Однако с тех пор, как он играл таким образом в детстве, прошло более двух десятков лет. К тому же, тогда они прыгали по ровной, асфальтированной поверхности. Но здесь, на крутом ледяном склоне и с неуклюжими кошками на ногах, это был совершенно другой случай.

Но деваться некуда, придётся попробовать. Он решил сделать три последовательных прыжка на одной ноге, потом остановиться и отдохнуть, поджав ногу. После небольшой передышки он повторит ту же последовательность с другой ногой.

В первых двух сериях прыжков такая тактика сработала; он чуть покачнулся, но не упал. Но третья серия началась плохо. Наверное, он уже немного устал, и поэтому оттолкнулся от земли немного слабее, поскользнулся и понял, что потерял равновесие.

Он упал и покатился вниз по склону, прижав локти к телу и спрятав голову между плеч, но потом его так швырнуло на ледяную землю, что у него перехватило дух. Он раскинул руки и ноги в стороны, инстинктивно пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь; в рот набилась ледяная каша — и тут он сильно обо что-то стукнулся головой.

Неизвестно, как долго он лежал без сознания. Придя в себя, он осознал что рот полон крови, и что его бьет дрожь от сильного вечернего заморозка. Он промок до нитки, онемел от холода, а левая нога была оцепенелой и бессильной. Спустилась ночь, но свет от тысяч прожекторов помог ему различить, что его окружало. Оказывается, он застрял в узком ущелье, куда стекала вода с ледника. В одном месте ущелье сужалось ещё сильнее, плечи застряли, и только этот факт спас его жизнь.

Скалолаз не знал, сколько времени он провёл, мучительно карабкаясь из ущелья вверх по склону. Он лишь смутно осознавал бесконечный повтор одних и тех же изнуряющих движений: болезненное напряжение правой ноги и обеих рук, чтобы выпрямить верхнюю часть негнувшегося тела, затем судорожное подтягивание вперёд, затем он снова принимал к склону. Он повторил эту последовательность сотни раз и больше не чувствовал своих онемевших, пораненных щёк, губ и подбородка, но всё ещё ощущал солоноватый вкус крови во рту.

Достигнув подножья ближайшей несущей стены Четвёртой платформы, скалолаз даже удивился. И разразился горьким смехом, когда подумал об иронии своего положения: то же гигантское объявление которое его чуть не убило, позже его спасло — без его яркого света он бы не отыскал правильного пути в темноте.

Скалолаз истекал потом. Теперь было необходимо позвать кого-нибудь на помощь, иначе ночной мороз прикончит его. Он посмотрел вверх. Щедро освещенное главное здание Четвёртой платформы было окружено широкой крытой террасой. Днём она наверняка была заполнена любителями природы, которые бы в страхе созерцали изумительную крутизну, «покорённую» ими немногим раньше. Но ночью тут было пустынно. За стеклами фасада виднелись движущиеся тени, изнутри доносились шум и музыка оркестра.

Конечно, внутри было гораздо теплее и приятнее; там было всё ярко освещено, окутано дымом. Официанты разносили отборные кушанья и тонкие вина, перед зрителями развёртывались шумные мультимедийные представления. Кто в своём уме станет проводить время снаружи на холодной террасе, рискуя подхватить простуду? Скалолаз прислонился к подпорной стене, подтянув правую ногу и устроив левую поудобнее. Потом он начал звать на помощь. Он кричал во всю мочь, некоторое время ждал ответа, и затем снова повторял свои крики. Но рёв ветра уносил его крики прочь, и ничто не двигалось на пустой террасе.

Шея скалолаза занемела оттого, что он долго смотрел вверх. Сделав небольшую передышку, попытался размять шейные мышцы не менее онемевшими руками. Потом он издал ещё несколько самых пронзительных воплей, на которые был способен своим уже осипшим голосом. Он уже не надеялся, что кто-нибудь мог откликнуться на его зов, когда ещё раз взглянул вверх.

Чьё-то лицо уставилось на него с террасы.

В отблеске фасада, скалолаз заметил, что это было лицо подростка, одетого в куртку с модным капюшоном, который копировал шлем

космонавта. Мальчик опёрся локтями на ограду, поддерживая подбородок руками, и рассматривал скалолаза как редкое животное.

— Эй! Пожалуйста, позови кого-нибудь!

Мальчик остался неподвижным.

— Мне нужна помощь, слышишь? Я ранен и замёрзну до смерти, если кто-нибудь мне не поможет — ты меня понимаешь? Позови свою мать, или отца, или официанта — просто скажи кому-нибудь внутри, что я здесь. Пожалуйста, поторопись!

Паренёк чуть сдвинулся влево и почти перегнулся через парапет. Казалось, он не мог поверить своим глазам. Наверное, мальчик боится его, подумал скалолаз. Может, он неправильно начал. Ему следовало ободрить мальчишку, втянуть его в разговор.

— Слушай, приятель, меня зовут Джим. А тебя как?

Никакого ответа. Мальчик только немного наклонил голову и вытер нос рукавом.

— Сколько тебе лет? Держу пари, ты добрался сюда на дельтаплане или вертолёте, не так ли? Ведь лифт годится только для престарелых и маленьких детишек, согласен? Давай, позови кого-нибудь, и после этого я куплю тебе вкусный большой торт.

Голова мальчика исчезла.

Скалолаз вздохнул с облегчением. Наконец-то, он нашёл успешный способ коммуникации. Наверное, сейчас юнец разговаривает со своими родителями и они все...

Тут капля тепловатой жидкости упала ему на руку, потом ещё две или три капли упали на лоб и щёки. Небо было безоблачным и звёзды ярко светили — так откуда же шёл дождь? Он снова посмотрел вверх и увидел тонкую струйку прерываемую ветром, которая начиналась из отверстия между перилами ограды. Мальчишка писал на него.

Скалолаз онемел от удивления. На мгновения ему захотелось расхохотаться — но потом слепое бешенство охватило его и он заревел так дико, что струйка остановилась. Секундой позже он услышал, как дверь террасы открылась и захлопнулась.

Скалолаз собрал десяток камней и начал кидать их вверх, один за другим. Из-за того, что стенка была высокой и отвесной, большинство камней отскакивали от ограды и падали назад без всякого эффекта. Некоторые прокатывались по асфальту террасы, и только два или три слабо стукнулись о стеклянный фасад.

Чуть отдохнув, скалолаз попытался собрать новый запас камней. Но для этого ему пришлось поползть вокруг, что было нелегко из-за боли в раненой ноге. Он продолжил бросать камни, несмотря на нарастающую слабость. Когда он почти уже отчаялся, один из камней угодил в цель — он ударился обо что-то металлическое на оконном карнизе. Скалолаз услышал громкий лязг упавшего подноса, а затем восхитительный звон разлетевшейся вдребезги груды стеклянной посуды. Вскоре, дверь на террасу распахнулась и он услышал приглушённые голоса. Заметив три удивлённых лица, он помахал им руками и слабо улыбнулся в ответ, прежде чем рухнуть на колени и потерять сознание.

Кровать была блаженно уютной; простыни пахли модным умягчителем «Пух», светильники в спальне тоже распространяли мягкий свет.

— А, вы наконец-таки проснулись, — констатировал женский голос.

Стоявшая у изголовья его кровати молодая женщина в облачении медсестры ободряюще ему кивнула.

— Вы — мой первый пациент.

Скалолаз огляделся.

— Это станция первой помощи? На Четвёртой платформе? И вы здешняя медсестра? Долго ли я был без сознания?

— Да, да, да, и не очень долго, — ответила она с радушной улыбкой. — Вы задаёте сразу много вопросов. К счастью, память у меня хорошая.

Он приподнялся на локтях и чуть пошевелил пальцами на левой ноге для проверки. Потом с попытался согнуть ногу и обнаружил, что она хоть с трудом, но сгибается. Бедро забинтовано, а на лбу большой пластырь.

— Полегче, мистер Стоун. Вы получили обезболивающий укол и авиадоктор приказал мне не выпускать вас из кровати ещё день — два.

— Откуда вам известна моя фамилия? И кто этот *авиа* ..., — он вспомнил её замечание по поводу своих расспросов и замолчал.

Она рассмеялась, показывая ряд ровных зубок.

— Вчера нам пришлось вас раздеть и представитель ГСС хотел увидеть ваши документы. Он сказал, что вы создали им проблему дважды за одни сутки.

— Горная Спасательная Служба? Теперь всё ясно. Вы вызвали их, и они прислали врача, не так ли?

— Конечно, это одна из их основных обязанностей.

Он пожал плечами.

— Не ожидал встретиться с ними так скоро. Это они подняли меня на террасу?

Она покачала головой.

— О, нет. Эти щеголи только жужжали, ослепительно освещая местность вокруг. Потом они приземлились на плоской крыше здания и объявили, что ничего сделать не смогут.

— Но как же...

— Один добрый малый спустился вниз и обвязал вокруг вас верёвку. Он уже приходил вас проводить рано утром, но вы ещё спали.

Скалолаз был в некотором замешательстве.

— Я не понимаю. Почему специалисты-спасатели не могли спуститься на эти жалкие пятнадцать метров?

Она пожала плечами.

— Не знаю. Эти специалисты сказали, что такой вид спасательных операций не предусматривался в их тренировочной программе. Их учили только управляться с механизмами, — её голос был полон презрения. — И тут предложил свои услуги тот человек, о котором я упомянула, Коллинз.

— Значит, это он осмелился спуститься ко мне? Обычный гость в вечернем костюме?

Она потрясла своими кудрями.

— Почему... Я бы не сказала что он был в вечернем костюме. Нет, он был одет практически так же странно как и..., — она замолкла в нерешительности.

— ...Так же странно, как я? — помог он ей.

— Ну...да, признаться. А лазил, как горная серна; я никогда не видела ничего подобного. И в промежутках он давал какие-то приказы; половину из них никто не понял, но все ему подчинялись.

Скалолаз кивнул.

— Ясно. А после этого вы нашли мои кредитные карточки и определили меня в эту дорогую комнату.

— Да, менеджер сказал, что с оплатой всё будет в порядке, — она снова рассмеялась. — Теперь, я принесу укрепляющий суп, а после этого вам следует поспать немного. В противном случае, нас обоих будет винить авиадоктор, — она взбила его подушку и быстрыми лёгкими шагами поспешила прочь. Скалолаз, должно быть, до смерти устал, так как проснулся только в одиннадцать утра. Потом он заказал обильный завтрак в дополнение к обеду. А поев, набрал телефонный номер, который он нашёл на предусмотрительно оставленном небольшом клочке гостиничной бумаги. На втором гудке, раздался решительный мужской голос:

— Коллинз слушает.

— Это я, Стоун. Тот странный малый, которого ты поднял прошлой ночью.

— Ясно, — через несколько секунд Коллинз добавил: — Слушай, я сейчас уже собрался идти по делам, и тебе, наверное, необходимо отдохнуть ещё побольше. Ну, мы можем встретиться...скажем, в четыре?

— Отлично. Куда мне следует прийти?

— Лучше в пиано-бар, где шума поменьше.

У скалолаза больше не болела нога, и он жаждал размяться. Вскоре, оставаться в комнате стало невыносимо, он оделся и вышел на прогулку. Два или три этажа Четвёртой платформы были забиты магазинчиками, где продавались всевозможные надуманные сувениры и прочий бесполезный, но дорогой хлам.

К сожалению рюкзака скалолаз нигде не мог найти; поэтому ему пришлось удовольствоваться пластиковым мешком из-под клюшек для гольфа, который он закинул за плечи. Хотя вечер ещё не наступил, множество любителей горных красот уже танцевало в большом зале, который был наполнен густым дымом марихуаны. Каким-то образом скалолазу удалось протолкнуться сквозь толпу и вернуться в свою комнату. Там он принял приятный душ и побрился, и загодя направился к пиано-бару.

Когда скалолаз почувствовал, что кто-то похлопал по его плечу, он оглянулся. Коллинз был невысоким и худым, но по его виду было ясно, что этот человек мог постоять за себя, и его рукопожатие было крепким и сильным. Кожа на лице была покрасневшей, будто он перегрелся в солярии.

Коллинз кивнул в направлении сцены, где несколько юнцов ходили с бейсбольными битами, гигантскими молотками и даже с большой, шипастой дубиной, словно из кинофильмов о древнем Риме.

— Я ошибся насчёт относительной тишины, которой я ожидал. Если ты не против, было бы лучше перейти в другое место.

— Почему?

— Неужели ты их не видел? Они готовят сцену для ансамбля «Бешеного Бластера». На каждом дневном представлении они разносят вдребезги все гитары и клавишные, а на вечерних вдобавок и всю сцену. Билеты очень дорогие, но всё раскуплено за несколько недель до представления.

Мужчины миновали террасу, на которой множество любителей гор толклись вокруг сборщика ставок. Предметом ставок было кто из четырёх соревнующихся сможет лучше вырезать человеческое лицо из горы перед

террасой. Инструментом им служил гигантский военный лазер. Сейчас склон уже был разрушен, и несколько вагонов осколков горной породы в долине служили свидетельством эффективности этого художественного инструмента.

Обогнув угол здания, Стоун с Коллинзом увидели, как один из уборщиков столкнул гигантскую грудку мусора — бумажных салфеток, алюминиевых банок, пластиковых стаканов и контейнеров, битого стекла и прочего хлама — метлой в большую квадратную нишу в боковой стене коридора.

Коллинз остановился и прошептал скалолазу:

— Смотри.

Уборщик нажал кнопку в стене, люк в нише открылся, и весь мусор с грохотом скатился вниз. На секунду показался отдалённый горный склон, укутанный в прозрачную дымку.

— Господи! — удивлённо воскликнул вполголоса скалолаз.

— Вот именно, — сказал Коллинз. — Считается, что они увозят весь мусор вниз в долину, на сборный пункт. Но цена транспортировки слишком высока, и они таким образом экономят на расходах.

— Но... весь мусор падает на склон! — скалолаз не мог успокоиться. — Такой незаконный ход разрушает окружающую среду, биотоп!

— Какая окружающая среда? — С горечью сказал Коллинз. — Все горные животные истреблены давным-давно; в наши дни можно найти горных баранов и серн только в зоопарках. Сейчас только растения ещё держатся, те, что ещё не полностью погребены.

Они зашли в пустую клубную комнату и сели в кресла возле окна.

— А как же люди, которые ходят вокруг? Ведь есть же туристы, которые передвигаются пешком и которых этот мусор может серьёзно травмировать.

— Пешком? — иронически переспросил Коллинз. — С какой это стати кто-то захочет утруждать себя ходьбой вместо того, чтобы воспользоваться восхитительной возможностью двигаться во всех трёх измерениях сразу? Все *нормальные* туристы наслаждаются безопасностью гондол, лифтов, вертолётов... Слова «скалолаз», «альпинист» или «восходитель» стали бесполезными понятиями. И уж, конечно, никто не беспокоится о таких глупцах.

Скалолаз неподвижно смотрел через оконные панели. Гигантский вертолёт, наполненный туристами, жаждущими развлечений, приземлялся неподалёку от Четвёртой платформы. Из-за рёва его двух несущих винтов разговаривать стало невозможно.

Когда скалолаз снова смог заговорить, его голос был немного нерешительным.

— Разреши задать вопрос личного свойства?

— Валяй.

— Смотри — я глубоко в долгу перед тобой за то, что ты рисковал своей шеей, чтобы спасти меня. Эти дураки из ГСС наверное бы дискутировали до тех пор, пока я там бы окончательно не окоченел.

Коллинз отмахнулся от изъявлений благодарности.

— Как бы то ни было, — упорствовал скалолаз, — будь ты «нормальным туристом», тебе это оказалось бы не по силам. Признайся, — ты тоже скалолаз?

— Ха, — сказал Коллинз. — Ты по правде думаешь, что можешь

любого это спрашивать? Думаешь, кто-либо в трезвом состоянии — признается, что он, к примеру, клептоман, пироманьяк или педофил?

Эти слова чуть не вывели скалолаза из себя.

— Как можно всерьёз приводить такие сравнения! Все эти...как бы это сказать...склонности- проявления душевных болезней и поставлены вне закона!

Коллинз глянул на него с иронией.

— И как долго, думаешь, до тех пор, когда скалолазание будет наравне с этими категориями? По всей видимости, скалолазы нарушают установленный порядок; ты вышел за рамки приличий. И вдобавок, ты не покупаешь никаких билетов, потребляешь собственную еду и питье, и предпочитаешь спать в палатке, вместо того, чтобы платить за комнату. Короче, ты снижаешь прибыль всех участников туристического бизнеса. Ты служишь опасным примером для других потребителей, и, следовательно скалолазание будет запрещено законом — скоро, наверное, в ближайшие несколько месяцев. Могу поспорить, что прямо в этот момент, кто-то в правительстве готовит проект закона, который решит эту проблему раз и навсегда.

Скалолаз уставился на Коллинза.

— Не стану продолжать. Всё же, мне не верится, что вы *действительно* так считаете.

Коллинз отвернулся от окна и подошёл поближе.

— Ты видишь этот шрам?

Он чуть натянул пальцами кожу на лбу и скалолаз заметил шрам, немногим бледней чем окружавшая кожа. Шрам тянулся от брови Коллинза к виску и исчезал под волосами.

— Это след, оставленный разбитой бутылкой или, может, консервной банкой — теперь точно не определить — из кучи мусора, которую обрушили на меня с высоты нескольких сотен метров, с Седьмой платформы.

Скалолаз сочувственно покачал головой.

Коллинз с угрюмым видом подошёл к автомату, продающему напитки, и опустил монету в щель. На секунду его указательный палец завис над кнопкой «водка», но потом нажал кнопку «апельсиновый сок».

— Куда ты направлялся прошлой ночью? — спросил Коллинз. — У тебя с собой были пучок крюков и верёвка.

— В Приют Райта, а на следующий день — в Зелёную Долину.

В глазах Коллинза засветилось восхищение. Он кивнул, сел напротив скалолаза и наклонился вперёд.

— Приличный маршрутец, приятель. Кстати, зови меня Стив.

— Джим, — с улыбкой представился скалолаз.

— Ну, Джим, ты был там наверху прежде?

Джим кивнул.

— Вроде того. Мне было только девять лет, когда дед со своим братом взяли меня с собой. В основном они меня подтягивали на верёвке, а иногда несли на спине. Тогда ещё маршрут был довольно-таки хорошо размечен. На прошлой неделе я тщательно его изучил и, думаю, способен его пройти. Хотя, конечно, сложновато будет в некоторых местах.

Стив Коллинз задумчиво посмотрел в окно.

— Я также тщательно изучил этот маршрут, — сказал он. — У меня даже есть несколько трёхмерных снимков склонов, где взбираться сложнее всего, купленных вопреки косым взглядам. А ты знал, что на

восточном склоне там до сих пор осталось двадцать — тридцать крюков? Я разглядел их в бинокль с Седьмой Платформы.

Джим некоторое время молча смотрел на него.

— Ну, Стив — кто из нас скажет это первым?

Стив широко улыбнулся.

— А не взяться ли нам за эту работёнку вместе, Джим?

Дебора Коутс⁸

ВОЗМЕЗДИЕ⁹

(Рассказ)

Перевела Дарья Макух

Петерсон застрелил этого пса в холодный ветреный вторник. Прямо перед домом хозяйки, когда пёс мирно сидел на лужайке. И когда мы, соседи, оторвавшись от своих дел, примчались выяснить, что случилось, он от души захохотал. Он потешался над Келли Хороси, девушкой, нанятой Элизабет, чтобы выгуливать Сибоя, когда хозяйка была на работе. Она стояла на коленях на сырой земле и плакала, придерживая голову Сибоя и пытаясь остановить кровь подолом своей тонкой рубашки.

Полицейские приехали, покачали головами и увезли Петерсона в наручниках. Он шел к патрульной машине, нагло ухмыляясь. Мать Келли Хороси повела ее домой. Келли никак не могла успокоиться и все время повторяла:

— Это я виновата. Я не уберегла его.

И мы не могли понять, за что она извиняется: за свои слезы или за гибель Сибоя.

Никто толком не знал, что делать с телом пса, поэтому я осталась на лужайке до прихода Элизабет с работы.

Скорее всего, она сразу догадалась, что что-то не так, издали увидев меня, сидящую рядом с неподвижной фигурой Сибоя перед ее домом, однако доехала до самого гаража, прежде чем остановила машину. Она приглушила мотор и сидела, глядя прямо перед собой.

Через пару минут — мне показалось, что прошла целая вечность — она подошла и посмотрела на него. Он уже окостенел, и трудно было поверить, что только что он был жив. Сибой всегда казался мне чудным псом, хотя я никогда особенно не увлекалась собаками. Он был крупноват для добермана-пинчера, что, по словам Элизабет, являлось недостатком

8 Дебора Коутс — писательница из Айовы. Этот рассказ — ее дебют в F&SF. Она писала о нём: «В годы моей юности у меня были друзья, жившие далеко за городом. К ним нужно было добираться на машине. Однажды кто-то проезжал по шоссе и застрелил одну из их собак. У меня самой были ротвейлеры, одного из которых отравили соседи, другого задавили полицейские, а потом выбросили тело в канаву, третьего убили, когда ворота дома случайно остались открытыми... Я защищала своих собак, как могла, и мне безмерно жаль, что у меня не всегда это получалось...»

породы, но, по-моему, его это только красило. Летними вечерами он, случалось, стоял на крыльце, прислушиваясь. Весь его облик выражал настороженность: уши стояли торчком, глаза блестели, нос подрагивал, — но, казалось, он отдыхал при этом. Сибой немного выделялся, так же, как сдержанная и элегантная Элизабет, на фоне пожилых соседей и стареньких домиков с верандами и длинными козырьками. Он был похож на принца, который стоял на пороге замка и осматривал свои владения со снисходительным спокойствием.

— Что произошло? — голос у Элизабет звучал ровно, но я знала, как она любила этого пса.

— Элизабет, мне так жаль.....

— Что произошло?

Даже когда я все рассказала, она не выказала своего волнения.

— Спасибо, что остались с ним, — сказала она, когда я закончила. И, повернувшись, направилась к дому.

Я осталась стоять, сгорбившись на ветру. Чем я могла помочь? Я взглянула на Сибоя. Три года назад я потеряла мужа: он на нашем новеньком бьюике врезался в телефонный столб. Никто не был виноват, кроме него самого — слишком уж много было заходов в бары. Конечно, я тосковала по нему, бездельнику, но если бы он умер, как Сибой, в луже остывшей крови, — о, трудно представить, что бы я чувствовала. Конечно, Сибой всего лишь собака. И, как уже было сказано, я не любительница собак. Но все же...

Вернулась Элизабет. Она переделалась в потертые голубые джинсы, старую фланелевую рубашку, надела рабочие ботинки и перчатки. Ее светлые с проседью волосы все еще были аккуратно собраны в пучок — так она обычно ходила на работу — и это резко контрастировало с поношенной одеждой. Веки у нее набрякли. Она принесла одеяло и расстелила его рядом с Сибоем. Зашла с другой стороны и присела на корточки. Положила руку на шею и на секунду задержала ее. Я чуть не расплакалась.

По дороге проехала машина, посигналив кому-то, как будто ничего не случилось. Элизабет ссутулилась, но тут же выпрямилась; никогда я еще не видела ее такой растерянной. Она подсунула руки под тело Сибоя, переложила его на одеяло и потащила во двор.

Я догадывалась, что она тяготится моим присутствием. Это было что-то личное, а она вообще была независимым человеком. Но мне была нестерпима мысль о том, что она останется одна. Я взялась за другой конец одеяла и пошла за ней.

Два часа мы копали яму, в которой похоронили Сибоя. Элизабет выбрала место в самом дальнем углу двора, под огромным старым платаном. Когда все было кончено, уже стояла кромешная тьма. Мои пальцы одеревенели от того, что пришлось долго держать в руках фонарик, а лицо совсем заledenело.

— Зайдем в дом, — предложила Элизабет, выпрямившись и отряхнув землю с джинсов. — Я приготовлю кофе.

До чего же уютно было на кухне с полками из светлого дуба, красными столешницами и выложенным плитками полом. Тепло начало разливаться по телу. Дневные события казались неправдоподобными и меркли перед обычными запахами свежесваренного кофе и лимонного средства для мытья посуды. Казалось, и Сибой сейчас придет и ляжет на свое место на голубом тканом коврикe под раковиной.

Элизабет налила две кружки кофе, вручила мне одну и села рядом. Она, похоже, не могла успокоиться. И все смотрела на поводки и ошейники, аккуратно развешанные у двери. Наконец встала, прошла в дальнюю комнату и вернулась с большой коробкой, куда сложила все ошейники с вешалки, на которой было выгравировано имя Сибоя.

— Элизабет, — начала я, но она уже вышла. Я проследовала за ней в кабинет, где она открыла дверцы секретера. С величайшей осторожностью и нежностью она вынула вымпелы Сибоя, его грамоты, кубки и две медали.

— Не обязательно делать это сейчас, — сказала я, снова подумав, что надо было уйти.

— Нет, — возразила она, — сейчас. Она прошла на кухню за скотчем, положила его на коробку и понесла ее на чердак. Я оглядела кабинет, закрыла дверцы секретера, которые она оставила открытыми и, поскольку не знала, что еще сделать, пошла за ней.

Я застала Элизабет, стоящую на коленях перед коробкой, которую она пыталась заклеить. Она плакала, то и дело зло смахивая слезы.

— Давайте я помогу, — предложила я, опускаясь рядом с ней. Я держала створки коробки, пока она их склеивала. Она наложила скотч два раза крест-накрест, потом три раза обмотала коробку вокруг, заклеивая каждый шов, пока не кончился моток. Затем села на пятки и стала смотреть на нее, ничего не говоря.

— Не..., — начала я.

Она бросила пустую катушку через всю комнату. Катушка упала в старое корыто, и, похоже, этот звук испугал Элизабет. Она поднялась на ноги.

— Почему он это сделал? — она начала ходить из угла в угол: десять шагов туда — десять обратно. — Почему?

— Я не.....

Она повернулась и посмотрела на меня:

— Не было никакого повода. Какая беспричинная жестокость и подлость! И что ему сделают? — Она опять начала метаться. — Что? Фактически ничего. Разве что оштрафуют? Посадят в тюрьму на пару месяцев? Направят на исправительные работы? Для него все это — маленькое неудобство, не более.

Я оперлась на перила и встала.

— Примерно так с ним и поступили в прошлый раз, — подтвердила я.

Она опять остановилась:

— В прошлый раз?

Я смахнула пыль с одного из чемоданов своим носовым платком и села:

— Значит, это было прежде, чем вы сюда переехали. Он застрелил кота Дональдсов стрелой из лука. И сказал, что это вышло случайно. Его оштрафовали на пятьсот долларов за жестокое обращение с животными и обязали выплатить Дональдам сто долларов для покупки другого кота, этим все и ограничилось. А недавно утонул пудель миссис О'Шейн. Мы не могли доказать, что это его рук дело, но.....

Элизабет возмутилась:

— Почему вы позволяете ему?

— Позволяем? Да мы ничего не можем сделать. Что мы можем? Мы вызываем полицию. Я всегда первая звоню в полицию, когда что-нибудь случается.

Я уже начала задыхаться и обрадовалась, когда Элизабет отвернулась и принялась ставить коробки одна на другую, чтобы освободить место для новой. Раньше у нас не возникало никаких разногласий, но нужно отдать ей должное — её утрата была слишком тяжела. Все, кроме неё, знали, как опасно держать животных по соседству с Петерсоном.

— Взгляните, — сказала она через минуту, пока я раздумывала, уйти мне или попытаться вновь с ней заговорить. Я увидела маленькую коробку с крышкой. Подойдя к чемодану, она поставила на него коробку и сняла крышку.

— Это принадлежало моей матери. Я и забыла, что все это здесь, наверху, — она вытащила маленький хрустальный шар и сдунула с него пыль. Тот сразу будто засветился, но она положила его назад, и я решила, что это был всего лишь отсвет от пыльной голой лампочки, висевшей над нами. Она вынула колоду карт.

— Карты Таро, — произнесла она и стала вынимать другие предметы, один за другим. — Руны. Китайская книга предсказаний. — Она вытащила, по крайней мере, дюжину предметов из маленькой коробочки.

— Знаете, моя мать верила во все это. На дружеских вечеринках она диагностировала по ауре и разговаривала с духами, — в голосе Элизабет послышалась нежность, и мне это показалось очень странным. Для такого человека, как она, сухого и расчетливого, карты Таро, ауры и хрустальные шары не должны были представлять интереса.

— Что это? — спросила я, заглядывая в коробку.

Элизабет достала гладкий голубой камень с белыми и фиолетовыми прожилками, разбегающимися внутри него. Когда она сжала его в руке, мне показалось, что прожилки поменяли положение под ее пальцами и улеглись новым узором от тепла ее ладони.

— Это счётный камень, камень возмездия.

Она встала.

— А что он делает, этот камень? — я имела смутное представление о картах Таро, рунах и других вещах, но о счётном камне никогда не слыхала.

— Такой камень, — повторила она. — Он ведет счет.

— Чему?

Она пристально посмотрела на него. Покрутила в руке. Это был совершенно правильный эллипсоид. С одной стороны проходила толстая фиолетовая жилка, пересеченная более тонкими и извилистыми белого, серого и фиолетового цвета.

— Он ведет счет всему, — сказала она. — Когда счет нарушается, этот камень приводит его в норму.

Она отвела руку с камнем подальше от себя, рассматривая его на свет:

— За все надо платить. И те, кто готовы противостоять злу, могут воспользоваться этим камнем, чтобы восстановить гармонию.

Она положила его в карман рубашки и подошла к окну.

— Конечно, — проговорила она, прижавшись лбом к стеклу, — это всего лишь легенда. Здесь нет ни капли правды. Правда только в том, что кто-то может застрелить твою собаку в твоём собственном дворе и ты не в состоянии ему помешать.

Она проводила меня, включив свет над крыльцом, прежде чем мы вышли из дома. Я взглянула на лужайку. Тени скрыли кровавое пятно

там, где лежал Сибой, и я подумала, что нам придется наблюдать его очень долго, огромное темное пятно, похожее на открытую рану, каждый день, пока не выпадет снег, будет напоминать нам о том, что он здесь погиб.

Я оглянулась на Элизабет, думая утешить ее, хотя еще не знала, как, но она не смотрела на лужайку. Ее взгляд был устремлен на улицу. Обычно золотисто-зеленые, ее глаза потемнели, стали почти черными в неверном свете лампочки над крыльцом.

— Как будто ничего особенного и не произошло, — проговорила она.

Я повернулась, и действительно, через три дома от нас, на той стороне улицы, у Петерсона зажегся свет.

— Элизабет, не надо...

Но она уже спустилась с крыльца и пошла по улице. Я последовала за ней, точно попала в центр событий фильма-катастрофы, и не могла остановиться — ноги несли меня дальше.

Она подошла к входу в дом и постучала в железную дверь, как будто наносила визит вежливости. Я осталась во дворе, не желая входить в бледно-желтый круг света от одинокой грязной лампочки над крыльцом. Через несколько минут подошла миссис О'Шейн, ближайшая соседка Петерсона, которая рассказывала в прошлом году, что перестала работать на заднем дворе, когда Петерсон был дома. Он сидел и бросал в нее камешки, и еще говорил, что если она когда-нибудь поставит забор, он его подожжет. Подошел Джон Хороси, отец Келли, и еще двое мужчин. Все стояли молча; даже не было слышно дыхания. Если они чувствовали то же, что и я, то, значит, всем нам хотелось помочь Элизабет. Но Петерсон был злопамятным, он мог превратить нашу жизнь в ад, не преступая закон, а Сибоя все равно теперь не вернуть.

Элизабет снова постучала. Я услышала какие-то звуки. Похоже, телевизор включили погромче. Свет горел в гостиной и наверху в спальне. Не знаю, почему, но мне представилось, что дома никого нет, и все придет в норму, если он не ответит на стук. Я просто молилась, чтобы он не открыл.

Элизабет стучала по двери кулаком скорее решительно, чем зло. Я поняла, что она простояла бы здесь всю ночь, если б потребовалось. Не ушла бы в любом случае, пока не появился бы Петерсон.

Входная дверь распахнулась. Петерсон уставился на нас сквозь ржавую сетку. Когда он разглядел, кто это, то усмехнулся, наполовину открыл сетчатую дверь и, придерживая ее ногой, прислонился к косяку со скрещенными на груди руками.

— Вы убили моего пса, — сказала она ему, и каждое слово прозвучало ясно и отчетливо, как будто ветер доставил их прямо до наших ушей.

Петерсон посмотрел на нее. Его взгляд скользнул по двору. Не думаю, что он мог разглядеть наши лица — скорее, только темные неподвижные силуэты, подобно вампирам на месте аварии.

— Да, — произнес он, — он лаял. Все время лаял — гав-гав-гав — я чуть не свихнулся.

— Нет, — возразила она, — он этого не делал.

— Что?!

— Он не лаял. Он никогда не лаял — только когда я была дома.

Он прищурился, и у меня промелькнула мысль о том, что он может принять её слова всерьез. Но тут же его ухмылка вернулась.

— Ха! — сказал он, махнув на нее рукой, и шагнул было в дом. Она

схватила его за запястье — в ней оказалось больше силы, чем можно было предполагать, поскольку ей удалось на секунду задержать Петерсона. Он свирепо посмотрел на нее, выдернул руку и захлопнул дверь.

Я затаила дыхание, но Элизабет больше ничего не стала делать, развернулась и пошла прочь.

После этого я не виделась с ней несколько дней. Мы были соседями и почти ровесницами, хотя Элизабет выглядела моложе, чем я — она пробегала двадцать миль в неделю. Но, кроме этого, у нас было мало общего. Элизабет преподавала историю в университете и никогда не была замужем; я же была вдовой без высшего образования, работала три дня в неделю в больнице медсестрой, организуя работу добровольных помощников, и ничего особенного не читала, кроме газет, семейных журналов и школьных работ, которые мои внуки приносили домой. Представляю, как ей было тяжело. Она все делала для этого пса: у него было более десяти свидетельств о победах на ежегодных соревнованиях, множество званий, которые невозможно упомянуть, составляли полное имя Сибоя. Она с ним участвовала в выставках, следопытных тестах, регулярно посещала питомники. Мой внук, Пит, рассказывал, что она приходила с Сибоем к нему в класс и читала лекцию об уходе за домашними животными, и о нашей ответственности за них. Каждый вечер они гуляли у себя во дворе. Она учила его приносить брошенный теннисный мячик; они играли в перетягивание каната, заменив его старыми полотенцами, связанными в узлы. И между делом она дрессировала его: он перепрыгивал через препятствия, пролезал в туннели, приносил назад гантели и учился идти по следу.

В понедельник, около шести вечера, я возвращалась из бакалейной лавки и увидела ее, сидящую на ступеньках своего крыльца. На прошлой неделе погода улучшилась; на улице было сухо, но все-таки прохладно. Я остановилась на секунду, держа в руках три сумки с продуктами, — не накупала бы столько, но ко мне пришел Джейк с детьми.

— Как дела? — крикнула я через дорогу, подозревая, что она ненавидит этот вопрос.

В прошлом году, когда она болела, я как-то принесла ей куриный бульон и кое-что еще из еды и задала подобный вопрос — и увидела, как она сразу напряглась и поморщилась. Но дело в том, что я не могла не спросить. Что еще можно придумать?

Она взглянула на меня. «Чудесно», — последовал ответ, и Элизабет вновь занялась тем, от чего отвлеклась; постукивая по колену каким-то предметом и уставившись на дом Петерсона.

Я зашла домой, выложила покупки, но не могла успокоиться, думая о том, как она сидит там, в густеющих сумерках. Вымыла тарелки, оставшиеся после ужина. Солнце померкло, и температура начала падать. Наполнив корзину чистым постельным бельем и кухонными полотенцами, я понесла ее наверх и аккуратно сложила все в шкаф. Мне пришлось поминутно выглядывать в окно — меня не оставляла надежда, что вот-вот Элизабет встанет и зайдет в дом. В конце концов я налила немного горячего шоколада в термос и спустилась поговорить с ней.

Она была в жилетке на пуху, ботинках и толстых носках, в своих голубых джинсах и свитере, а на руках были перчатки с обрезанными пальцами. И не выглядела замерзшей. Похоже, она даже не понимала, что сидит не в своей гостиной, а на улице. А в правой руке она держала счётный камень, который все время вращала.

— Элизабет?

Она взглянула на меня и улыбнулась, приняв от меня чашку с шоколадом. Затем жестом пригласила сесть рядом. Наступившие сумерки окрасили все вокруг в серо-голубые тона, даже воздух приобрел какой-то синеватый оттенок.

— Как вы? — пришлось мне задать дежурный вопрос.

При ответе она не смотрела на меня.

— Я никогда не отличалась храбростью, как вы знаете. Ни разу в жизни я не рисковала собой. Если возникала опасная ситуация, я всегда пряталась за чужие спины, ожидая чьих-нибудь действий. И одна сразу начинала дрожать, как кролик в чистом поле. Если жить тихо, оставаться всегда на заднем плане и никогда не высовываться, можно вести безопасное, удобное существование, никогда не признаваясь себе до конца, что у тебя просто нет мужества.

Она отпила немного шоколада.

— Но потом у меня появился Сибой, и я стала смелее. Не потому, что он был большим псом с крепкими челюстями и выраженным инстинктом защитника. Я стала храброй ради него. Потому что он нуждался во мне. Когда подростки, дразня его, бросали в нас камни в парке, я дала им отпор. Как-то вечером один мужчина попытался вытащить у меня кошелек на стоянке, Сибой был со мной, и мне пришлось надеть ему на морду свою сумку. Знаете, почему?

Я испугалась, что Сибой укусит этого типа, тогда бы точно приехала полиция и записала бы моего пса в список опасных собак — здесь не любят доберманов, — и я бы потеряла его. Он подарил мне все, что у него было — терпение, внимание и преданность, — а я в ответ уберегала его от разных напастей. Но все это, вся эта храбрость, существовала для того, чтобы его жизнь была, не знаю, счастливой, что ли, а теперь все пошло прахом.

Она взглянула на меня.

— Как вы думаете, он, должно быть, испытывал страх, когда умирал? Верно, недоумевал, где я, что это за кровь, что вообще происходит. Когда это было действительно нужно, я не уберегла его.

Я не находила слов. Что я могла сказать? Мне очень жаль, что ваш пес погиб? Да, можно и так, но что хорошего в этой фразе?

— На этот раз ему не уйти от наказания, правда? Оно обязательно его настигнет!

Она долго молчала, прежде чем снова заговорить. За это время я услышала, как захлопнулась дверь где-то ниже по улице, проехала машина, и раздались два паровозных свистка в разных концах города.

— Сегодня утром ему предъявили обвинение, — сказала она наконец. — Он признал свою вину в суде. Встал и признался, и его оштрафовали на 1000 долларов.

— Его должны посадить в тюрьму. Или отправить на исправительные работы.

Я слышала отчаяние в своем голосе. Было ощущение, что это наша общая вина: моя, полиции, миссис О'Шейн — нашей соседки, — и в любом случае зло должно быть наказано.

— Ну что-нибудь они должны же сделать!

— Его посадили на месяц. Отсидживать будет по выходным. За стрельбу из ружья без разрешения городских властей.

Она говорила своим обычным спокойным голосом. Но никогда еще он

не звучал так мрачно.

— О, Элизабет, мне так жаль.

— Да, мне тоже.

А спустя две ночи появились эти собаки.

Я только что свернула с Эш-стрит на нашу улицу, когда вдруг увидела первую. Она бежала прямо посреди улицы, но, должно быть, услышала, что едет машина, — когда я начала тормозить, она оглянулась, посмотрела на меня и свернула на обочину, поросшую травой. Я поехала еще медленнее. Сибой был единственной собакой во всей округе до своей гибели, значит, эта, скорее всего, приبلудная. Я остановилась. Собачка была маленькая, по весу, верно, не больше пяти килограммов, и была похожа на пуделя, только более пушистая, без этих смешных шариков на лапах и хвосте. Мордочка умная, с коротким маленьким носиком, а изо рта свешивается розовый язычок. Я догадалась, что она направляется к дому Петерсона, поэтому решила вылезти из машины, надеясь, что смогу поймать ее в последний момент и отправить в приют для бездомных животных. Единственное, что заставляло нас приближаться к его дому, — необходимость предотвратить очередное убийство.

Когда я открыла дверцу, собачка повернулась и вновь взглянула на меня темными смысленными глазами. Она смотрела с любопытством, наострив ушки. И не отреагировала на мой свист. Когда я попыталась приблизиться к ней, она нырнула в колючую изгородь между домами. Ну, отлично. Я слишком стара, чтобы ползать на коленях под изгородью за собакой, которая недостаточно умна, чтобы оставаться дома. Пришлось поковылять обратно к машине.

У меня вошло в привычку приносить Элизабет термос с горячим шоколадом каждый вечер около семи. По вечерам она сидела на крыльце, не сводя глаз с дома Петерсона. Я беспокоилась и нервничала из-за того, что она там сидит, и уже никто не мог притворяться, что в нашем районе все хорошо, — вид Элизабет напоминал нам, что это не так. А термос с шоколадом — это была уже какая-то помощь с моей стороны. По крайней мере, можно было спокойно вернуться домой.

— Становится совсем холодно, — проговорила я, подойдя к ней, — правда? Вы же знаете, что обещали мороз и снегопад. Нам самим потом с трудом будет верить, что мы могли сидеть здесь так поздно.

Наконец-то я прекратила спрашивать, как у нее дела. Самое лучшее, что я могла делать ~ притворяться, что все нормально.

Элизабет промолчала. Она встала со стула и подошла к перилам крыльца.

— Посмотрите, — сказала она и указала вперед правой рукой в перчатке, при этом не выпуская камня из рук.

По дороге, в круге яркого света от уличного фонаря бежали две маленьких белых собачки — точь-в-точь, как та, что забегала сюда недавно.

— Вы не знаете, чьи они? — спросила я.

— Знаю, — ответила она, но не сдвинулась с места.

— А не лучше ли будет... Ну, не знаю... Ведь они направляются к дому Петерсона.

Она не отвечала, только смотрела на них. Они мелькали белыми пятнышками в тенях, легших на улицу. Я кашлянула.

— Ничего с ними не случится, — сказала она.

В первый вечер их было штук шесть. Они сидели на дорожке перед

входом в дом Петерсона целый час Не двигаясь Не издавая ни звука. Чуть позже восьми они вскочили без малейшего шума и убежали. Знал ли Петерсон вообще, что они появлялись, Свет горел в гостиной и еще в паре комнат Крыльцо также было освещено. Но Петерсон ни разу не подошел к двери.

Следующим вечером они вернулись. И бегали по вечерам целую неделю, с каждым разом их становилось все больше. Я видела их около семи вечера, когда шла через двор к дому Элизабет, они бежали по улице так невозмутимо, как будто их в этом мире ничто не заботило. Они были очень милы. Сидели перед крыльцом Петерсона полукругом обычно час, а иногда немного дольше. Теперь их уже было столько, что они садились в два ряда и ждали чего-то, — Петерсона, как можно было предположить, но он все не появлялся, и собакам приходилось возвращаться.

Все следили за ними. Миссис О'Шейн в темно-синем шерстяном пальто, которое она обычно надевала в церковь на воскресную службу, выходила на крыльцо. В семье Хороси раздвигали занавески на большом окне в гостиной и выключали свет. Но никто не вызывал ни санитарный контроль, ни полицию. Уверена, что ни один человек не считал это нормальным. Но зачем они здесь появлялись?

— До чего же они серьезно настроены, — сказала я как-то вечером Элизабет. Они собрались перед домом Петерсона уже в седьмой раз.

Элизабет посмотрела на них.

— Это болонки. Такая порода, — сказала она. — Они считаются комнатными собачками — и происходят от спаниелей, — те когда-то плавали на судах, — и умирают они от расстройства, что их никто не воспринимает всерьез.

Я посмотрела на нее. Это что, шутка? Выше по улице на своем крыльце стояла миссис О'Шейн. И опять в доме Петерсона горел свет, но его самого не было видно.

Элизабет выпрямилась на стуле.

— Не думаете ли вы, что ожидание затянулось? — произнесла она, встав и подойдя к перилам.

— Что затянулось?

Интересно, она всегда была такая странная? Или я просто раньше этого не замечала? Я взяла термос и стала отвинчивать крышку.

— Что значит — «ожидание затянулось»?

Она не ответила. В тот момент, когда я откручивала крышку с термоса, а Элизабет положила руку на перила, собаки, сидящие в два неровных ряда перед домом Петерсона, завывали.

Я чуть не уронила термос. Мне приходилось слышать, как воют собаки. Когда Сибой был щенком, он, бывало, выл по ночам, сидя в своей корзине, и мне его было слышно через окно спальни. Пудель миссис О'Шейн тоже выл, когда его оставляли дома одного. Но это... Я не слышала ничего более ужасного и дикого. Когда одна собака замолкала, другая тут же подхватывала. Мне казалось, вот-вот туман поднимется с земли, луна спрячется за облака и задует холодный северный ветер.

Ничего этого не случилось, но в конце концов из дома вышел Петерсон.

С крыльца дома Элизабет я услышала, как хлопнула железная дверь.

— Эй! — раздался его возглас, но его заглушил дикий вой. Я увидела, как Петерсон замахнулся кулаком. Собаки, не шелохнувшись, продолжали выть. Он спустился с крыльца. Тяжело ступая, подошел к ним

и занес ногу, чтобы пнуть одну из них.

Думаю, тяжелые ботинки и плотные джинсы уберегли его от серьезных ран, когда они напали на него. Все мы — я, супруги Хороси, миссис О'Шейн, Элизабет — были слишком удивлены, чтобы что-то предпринять. Помню, что я стояла и смотрела, как они ринулись на него, точно стадо крошечных обезумевших овец. Видела, как он отбивался от них, издавая какое-то рычание и отступая по дорожке к дому. Последняя от его пинка отлетела и ударилась о перила крыльца. Мы отчетливо услышали звук удара.

Наконец он добрался до открытой двери и скрылся в доме. Воцарилась тишина. Только ветер шумел в кронах деревьев. Одна за другой маленькие болоночки поднимались на ноги и отряхивались. Одна из них подбежала к собаке, которая ударилась о крыльцо, подтолкнула ее носом, а затем отступила назад, как будто не зная, что еще предпринять. Собака, которую Петерсон ударил, все еще лежала. Неподвижно, как Сибой, подумалось мне. Затем она тоже вскочила, встряхнулась, будто только что вылезла из воды, и сбежала с крыльца по ступенькам. Собаки уже скрылись в темноте, когда Петерсон вернулся с ружьем. Он все равно пальнул в воздух и крикнул что-то, но я не расслышала, что именно.

После этого собаки изменились. Во-первых, они стали смелее. На следующий вечер одна из них уставилась на меня, когда я сидела в машине. А когда я открыла дверь, чтобы отогнать ее, она зарычала, оскалив зубы.

В этот раз и на следующий вечер собаки продолжали выть; Петерсон с диким ревом выскакивал из дома с ружьем наготове. Собаки нападали на него, норовя цапнуть за ногу. Он отбивался, стрелял в них, пока не кончились патроны, и после этого скрывался в доме. Собаки вскакивали (клянусь, даже убитые наповал, — мы не нашли там ни одной) и убегали прочь.

На третий день приехали полицейские и долго говорили с Петерсоном на крыльце. Полисмены уехали, забрав с собой его ружье. Но, видно, у него было еще одно.

К концу следующего дня похолодало: на улице гулял ледяной ветер. Я осталась дома и выглядывала на улицу из окна гостиной. Элизабет не было видно, но она наверняка сидела на крыльце. Все уже настолько привыкли к этому, будто она там сидела вечно. Вот опять, как всегда, прибежали собаки, направляясь вниз по улице. Они подпрыгивали так, будто кто-то сверху дергал их за ниточки; встречный ветер развеивал их длинные мохнатые уши; и что-то, возможно, их целеустремленность, заставляло меня вспоминать Сибоя.

Они, как всегда, уселись у входа в дом. Завыли. Но Петерсон на этот раз не вышел. Минут через пятнадцать (когда я думала, что сейчас сойду с ума от этого воя; ведь он никак не прекращался) я заметила движение в их рядах, как будто собаки начали уставать от долгого ожидания. То одна, то другая вскакивала и перебегала с места на место.

Миссис О'Шейн стояла на крыльце. Ее почти не было видно с моего места, — ее пальто и шарф были слишком темными, — лишь время от времени я видела движение крохотного белого пятнышка лица, когда она переступала с ноги на ногу или отворачивалась от ветра.

Должно быть, собаки ее тоже заметили. Они вдруг перестали выть и разом повернулись — синхронность этого движения была сверхъестественна — и уставились на нее. Они не кинулись на нее, как на

Петерсона. И тогда мне показалось, что, может быть, это только оттого, что Петерсон не вышел из дома на их вой.

Что бы ни было причиной, но собаки начали приближаться.

Вы можете сказать, что ей достаточно было отступить назад, чтобы оказаться в доме. Но она, напротив, осталась сидеть до тех пор, пока все не кончилось. Если бы я была на улице в этот вечер, если бы я сидела на крыльце в добрых десяти футах от двери и ко мне подкрадывались двадцать пять рычащих собачек... не уверена, что я бы не застыла от страха.

Мне ничего не было слышно через закрытые окна, кроме порывов ветра. По ту сторону улицы в своей гостиной стояла Дженет Дональд с прижатой ко рту ладонью. Первая собака уже была у крыльца дома миссис О'Шейн. Женщина не шевелилась. Мне хотелось крикнуть ей: «Бегите прочь, скорее в дом!». Все кругом застыло, только белые маленькие собачки постепенно приближались к миссис О'Шейн.

Вдруг к ним выбежала Элизабет. Она остановилась посреди двора, на секунду заколебавшись, как будто пыталась принять окончательное решение, а потом пошла по дорожке к дому. Собаки расступились перед ней, как море перед Моисеем, и вновь сомкнули ряды за ее спиной.

Трудно было разглядеть все подробности из моей гостиной. Дом миссис О'Шейн, скрытый деревьями, находился четырьмя дворами ниже по ту сторону улицы. Но я видела, как Элизабет подошла к ней и, скорее всего, заговорила. Единственное, что мне удалось разглядеть после этого, — как Элизабет взяла ее за руку и повела к двери. Они перекинулись парой фраз, а потом миссис О'Шейн зашла в дом.

Когда Элизабет спустилась с крыльца, собаки снова расступились перед ней. Я смотрела, как она идет вверх по улице. Как раз, когда она прошла мимо моего дома, собаки, наблюдавшие за ней, вскочили на ноги, и все, как одна, повернулись и побежали прочь.

На следующее утро я встала рано, оделась, быстро позавтракала и пошла к Элизабет с твердым намерением выяснить, что значит все происходящее. Прежде всего, отчего пушистые маленькие собачки терроризируют Петерсона.

Когда дверь открылась, я не могла не заметить, какое бледное и осунувшееся лицо у Элизабет, как будто она поправлялась после долгой болезни. И, несмотря на то, что она, как всегда, была подтянута и опрятна, в уголках рта обозначились новые складки, а когда я, сидя за столом на кухне, смотрела, как она готовит кофе, то заметила, что ее пальцы то и дело барабанят по столу, а это было для нее совсем несвойственно.

После того, как она подала мне кофе, налила себе чашечку и села за стол напротив меня, я глубоко вздохнула и сказала:

— Я хочу знать, что происходит.

Элизабет добавила сливок в кофе из маленького сливочника в форме петушка.

— А вы как думаете?

— Откуда взялись эти собаки?

— Не все ли равно, откуда?

Я взглянула на нее. Тонкие черты лица, белая кожа, тщательно уложенные волосы и ухоженные руки, — она выглядела почти высокомерно, как если бы я спросила какую-то невероятную глупость. Я выпрямилась. Почему, собственно, нельзя спросить? Что плохого в

желании соседей привести все в норму?

— Так дальше не может продолжаться. В самом деле, не может.

Я старалась говорить спокойно, но уверенно, как обычно разговаривала с упрямыми пациентами в полубессознательном состоянии в больнице.

— Не в моих привычках говорить за других, но, помилуйте, Элизабет, вчера вечером они чуть не искусили миссис О'Шейн.

Элизабет откинулась на спинку стула. Сеточка морщин в уголках глаз, казалось, немного разгладилась. Она приоткрыла рот, собираясь заговорить, но тут что-то за дверью привлекло ее внимание, и губы вновь сомкнулись. Она встала; движение было настолько резким, что ножки стула скрипнули по полу. Подойдя к кухонному окну над раковиной, она выглянула на задний двор.

— То, что я делаю, должно было произойти намного раньше, — она резко повернулась ко мне. — Вы говорите, что он был всего лишь псом. Видно, вы все так и считаете между собой. Да, он *был* всего лишь псом, но..., — она запнулась, и тень раздражения промелькнула по ее лицу. — Он научил меня настоящей любви, мужеству и преданности. Мне плевать, что говорят другие. Здесь нарушено равновесие между добром и злом.

Я ждала, пока она закончит. Было слышно, как над раковиной тикали часы, а ветки чахлого куста гортензии, что рос на заднем дворе, шумели под окном. Я постаралась, чтобы голос звучал как можно мягче, ну...так, на всякий случай.

— А что произошло вчера вечером? При чем тут миссис О'Шейн? Вы же никогда ничего не имели против нее.

Она вернулась к столу. Её гнев прошел, и теперь она уже выглядела решительно, почти как прежде, когда решала трудную задачу.

— Да, верно, но произошло нечто непредвиденное.

Она сунула руку в карман рубашки и вытащила камень возмездия... Постукивая им по столу, продолжала:

— Понимаете. Для этого камня не существует разницы между Хорошим и плохим — Он поддерживает равновесие между ними и их напряжением — Если приложить большую силу, то баланс будет восстановлен на другом уровне. Я не думала, что вопрос о силе будет иметь значение, иначе Петерсон не смог бы понять, что происходит и не обрел бы силы для контратаки. Вчера вечером...да, я ошибалась насчет Петерсона.

— Это сделал он?

— Да. Но этого не повторится. Он больше никогда не воспользуется моими собаками.

Я подумала, до чего же странно, что я считаю все это само собой разумеющимся. Но ведь и доказательства этому являлись каждый вечер.

— Вы действительно их используете?

Она поморщилась. Это ее уязвило.

— Нет. Я их не использую. Я спрашиваю каждую из них, займутся ли они этим. Все соглашаются. Они узнали своих Петерсонов. Некоторые из них никого другого и не знали в своей жизни. Эти люди избивали их; доводили до смерти, делая бизнес на щенках; выбрасывали из окон машин и проламывали черепа.

— Их уже нет в живых? Они все мертвы?

Элизабет прищурилась.

— Это призраки. Я думала, вы знаете.

На этот раз пришла моя очередь встать и начать ходить по кухне.

— Да ничего я не знаю. Это что-то из ряда вон выходящее. Вся моя жизнь до этого протекала в рамках нормы. И ничего подобного со мной еще не случилось.

Я скрестила руки на груди и оглядела ее.

— Понятно?

— Да. Они — призраки. Счетный камень наделил меня этой силой — вызывать призраков, когда захочу. Или демонов. Силы должны уравнивать друг друга. Но Петерсон тоже может вызывать демонов. Он способен на все. И сейчас мне нельзя останавливаться. Понимаете?

— Но..., — я почувствовала, как мурашки побежали по коже. — ... Собаки. Я все еще не понимаю. А что, если они опять нападут на миссис О'Шейн или на кого-нибудь другого?

Элизабет вздохнула, и, похоже, подумала, что я слишком уж недогадлива. Да черт бы ее побрал с её мертвыми собаками, которые она сюда зачем-то вызывала. Кто заставлял её злить Петерсона?

— Больше они так не сделают, — сказала она.

— Это уже случилось прошлым вечером, — резко ответила я. — Они подобралась к миссис О'Шейн слишком близко.

— Они же собаки, — проговорила она. — Всего лишь собаки Они не задумываются над происходящим, как вы или я. И они полагали, что это я направила их к крыльцу миссис О'Шейн. Не, теперь они стали умнее. И больше ошибки не допустят. Разве это не ясно?

Я не ответила. Что я могла сказать? Отчего же, Элизабет, сейчас мне всё ясно. Я чувствую себя великолепно. Но мне-то было по-прежнему не по себе. Все это было весьма далеко от нормы.

— Хелен, — сказала Элизабет, немного помолчав, — простите меня. Я бы остановилась, если б могла. Но все зашло слишком далеко. Теперь придётся довести это до конца.

Она встала и вышла из комнаты. Было слышно, как он, поднимается к себе наверх.

Вечером я обошла всех соседей, — кроме Петерсона, разумеется, — чтобы пригласить их на чашку кофе. Мне пришло в голову, что вместе мы, возможно, будем чувствовать себя в большей безопасности. Элизабет я пригласила тоже, но не надеялась, что он, придет.

— Сегодня появились доберманы. Я видела их по дороге, — сообщила миссис О'Шейн, снимая в прихожей шарф и синее пальто

Только я проводила ее в гостиную, у дверей снова позвонили. Пока я спускалась в холл, раздалось еще два нетерпеливых звонка. На пороге стояли Хороси, которые пришли последними. Они поднялись в дом. Внезапно Келли схватила меня за руку и указала на улицу.

— Смотрите! — воскликнула она.

— Доберманы? — я стала вглядываться в сгущающуюся тьму. — Миссис О'Шейн уже сказала мне о них.

— Да нет же, присмотритесь внимательнее. Там что-то еще.

Краем глаза я заметила, как мистер Хороси кивнул. Миссис Хороси прижалась к нему.

— Смотрите, — повторила Келли, — вон там, в тени, видите?

Я снова выглянула, пожалев о том, что не проверила вовремя зрение у врача. И тут я, наконец, увидела. Хотя это было непонятно что. Тень, тьма, которая двигалась. Независимо от ветра и света уличных фонарей, она текла вниз по улице. Я втащила Келли внутрь и захлопнула дверь.

Никто на самом деле и не думал о кофе, но я все же приготовила. Развела в камине огонь — эта ночь выдалась действительно холодной — и не стала включать свет, а зажгла несколько свечей, — мне показалось, что они будут уместнее, и мы собрались у очага. Но постепенно все переместились к окнам: часть — к полукруглому окну в гостиной, часть, пройдя через холл, устроилась у такого же в столовой. Келли подставила стул к маленькому угловому окну, которое выходило прямо на дом Петерсона.

Все болонки были во дворе, расположившись, как обычно, в два полукруга. Такие крохотные, они сидели напряженно и прямо, повернувшись к крыльцу, как будто, стоя на носу корабля, с веселым и бесстрашным видом плыли в открытое море. За ними стояли в три ряда, как римские легионеры, большие черные доберманы с рыжеватыми подпалинами. В середине первого ряда сидела более крупная собака, которая так походила на Сибоя, что у меня даже перехватило дыхание. У крыльца миссис О'Шейн и вдоль запущенной изгороди Петерсона притаились те самые тени.

Неожиданно из дома вышел Петерсон. Даже с такого расстояния я разглядела, что его лицо украшает широкая наглая ухмылка, — видимо, от сознания того, что он крутнул штурвал чуть сильнее, чем Элизабет, и исход предрешен.

Тени двинулись вперед, будто их что-то подтолкнуло, но что — я не могла понять. За минуту они переместились от изгороди до середины двора. Собаки в рядах забеспокоились. Доберманы повернулись к сгусткам теней. Болонки придвинулись ближе к ступенькам крыльца; они не спускали глаз с Петерсона, и он, как мне показалось, отступил на шаг к двери. И тут я заметила, что не дышу от напряжения. Что, собственно, могли сделать эти мерзкие создания собаке, которая была уже мертва?

И тут одна из теней коснулась передней лапы одного из доберманов. Собака взвыла. Но это был не вой одинокой собаки в ночи, а пронзительный, невыносимый визг, похожий на крик. Я услышала, как ахнула Келли Хороси. Там, где тень коснулась лапы, она как будто выжгла кожу и мясо до белоснежной кости. Тень скользнула вперед. Собака, ни секунды не колеблясь, подбежала к ней на трех здоровых лапах и прыгнула прямо в нее. Рваные клочья тени отлетели к изгороди, сморщились в комочки и пропали.

Дальнейшие события я помню, как в тумане. Мы обсуждали их с семьей Хороси, миссис О'Шейн и Дональдами весь последующий день, но так и не смогли восстановить в точности то, что произошло.

Вот что я увидела.

Исчезновение одной тени заставило других застыть на несколько томительно долгих секунд. Усмешка сползла с лица Петерсона. Болонки наблюдали за доберманами, которые, не отрываясь, следили за тенями. Кроме одного, того большого пса, что был так похож на Сибоя, — он вдруг развернулся и внимательно посмотрел на дорогу. Взглянула и я.

Со своего крыльца быстро спустилась Элизабет и побежала по улице к дому Петерсона. Мы увидели, что она остановилась на обочине и что-то громко ему прокричала. Он что-то крикнул в ответ и захохотал, указывая на тени, которые стали стягиваться к крыльцу. Она показала на собак и помотала головой. Петерсон вновь расхохотался. Тени снова начали подбираться к собакам. Доберманы вскочили, и шерсть у них на загривках поднялась дыбом. Элизабет застыла на месте. Петерсон вдруг прекратил

смеяться и оглядел ее с какой-то опаской. Она подозвала собак. Наклонясь к ним, стала гладить и целовать их. А потом вышла вперед них и направилась к теням. Петерсон заорал на нее, срываясь на визг и вцепившись руками в шаткие перила крыльца. Больше он не смеялся.

Элизабет продолжала идти по лужайке. Дойдя до теней, она привлекла к себе большого добермана, похожего на Сибоя. Он подsunул голову ей под руку. Элизабет остановилась и посмотрела на него. Оглянулась на остальных собак и перевела взгляд на своего спутника. Так, положив руку ему на голову, она вместе с ним вошла прямо в гущу теней.

На этот раз никто не издал ни звука. Они вошли. И пропали. Все было кончено. И тени растворились. Собаки сошли со своих мест и понюхали землю. А затем, не обращая никакого внимания на Петерсона, развернулись и побежали вниз по улице, все дальше и дальше, пока не пропали вдаль.

Рано утром ко мне прибежала Келли Хорси.

— Посмотрите-ка, что происходит, — сказала она.

Я вышла с ней и увидела, как Петерсон выносит из дома коробки и грузит их в свою машину. Он постоянно оглядывался через плечо, как будто чего-то боялся.

— Как вы думаете, он действительно уезжает? — прошептала Келли.

— Думаю, независимо от того, уедет он или нет, оно его настигнет.

— Что?

— Последнее возмездие.

Она окинула меня недоверчивым взглядом и убежала.

А я вышла на тротуар и остановилась перед домом Петерсона, чтобы взглянуть на то место, где Элизабет шагнула в ту тень. Она ни на миг не засомневалась, хотя вряд ли это сыграло какую-то роль в случившемся. Сейчас она уже там. Я остановилась перед ее домом. В коридоре и на кухне горел свет. Щелкнув выключателем, я прикрыла за собой дверь. У Элизабет не было родни; а закладная была выплачена. Вид у него уже был нежилой, но в нем ощущалось чье-то присутствие. Теперь он будет неотступно напоминать нам о том, что здесь произошло. Я поискала магический камень, но его нигде не было видно.

Во вторник я пошла в приют для животных, чтобы посмотреть, нет ли там одной из тех пушистых беленьких собачек с круглыми мордочками. Я никогда особенно не любила собак, но все меняется.

Реймонд Стейбер

СУХОЙ АВГУСТ¹⁰

(Рассказ)

Перевела Софья Елизарова

С тояла гнетущая жара, и её постоянство чувствовалось каждой клеткой кожи. Жара высасывала воздух из легких и скупыми порциями возвращала обратно. Из-под капота машины поднимались волны зноя и сливались с маревом от мостовой.

Сим вел машину и поглядывал на своего пассажира. Большие руки Джорджа покоились на коленях, он ловил воздух ртом, тонкие белокурые волосы слиплись от пота. Прошлой ночью на горизонте блистала зарница, но дождя не было, ни капли дождя целый месяц. И Джордж сказал Симу тогда:

— Он там. Он там наверху, и сыплет оттуда стрелами молний на землю.

А Сим, тонкий и сухой, как этот месяц август, отвечал:

— Джордж, это просто погода.

Но Джордж упорствовал:

— Нет, дядя Сим, это Суховей.

Тогда Сим сдался: у его сорокалетнего племянника давно крыша поехала. Что с ним поделаешь? Поэтому Сим перевел взгляд на темнеющие поля пшеницы, угнетенные засухой, а теперь застывшие в ожидании урагана.

Немного погодя он сказал:

— Завтра днем мы будем в Джефферсоне и сможем встретить твою маму с автобуса. Она все равно раньше среды не приедет, поэтому мы переночуем в городе, а вечером ходим в кино. Как ты на это смотришь, Джордж?

— Я бы с удовольствием, но так мы от Суховея не избавимся.

Они втроём — дядя с сестрой и её сын — жили в старом фермерском доме с заботливо обведенными белой каемкой окнами. «Что ж, это всё же компания», — думал Сим, и, старый и одинокий, был благодарен за это. Он даже был благодарен Джорджу.

А пока они ехали среди гнетущей жары в Джефферсон, и Джордж сидел в его машине без видимых признаков мысли. Иногда Сим спрашивал себя: о чем Джордж думает? Помнит ли он еще свою семью? Мальчик — какого черта я думаю о нем как о мальчике, ему за сорок — мальчик никогда не улыбается. Его наполняет уныние, как глубокая река, исток которой ему неизвестен.

Джордж пристально смотрит в ветровое стекло, и дышит открытым ртом часто-часто. На широком печальном лице глаза как у бассетхаунда — нелепо сложенной длинной собаки с висящими ушами, на коротких мощных лапах.

Он заговорил:

— Когда мы доберемся до Джефферсона, то остановимся в мотеле и поужинаем жареными цыплятами.

Так хотелось подбодрить племянника, хотя все попытки были обречены на неудачу.

— Неплохо бы, — отозвался Джордж.

— Я знаю, ты любишь жареных цыплят. Ведь Мэй..., — Он замолчал. К чему было упоминать Мэй?

— Суховей забрал её, дядя Сим.

Сим сжал потными руками рулевое колесо.

— И Марджори тоже забрал, а потом наслал на дом эту черную штуку, достал ее из своего черного саквояжа, и она, крутясь, разнесла все на куски.

— Джордж, я...

— Говорят, один их этих кусков попал мне в голову. Вот почему я такой, какой я теперь, но это не случайность. Это сделал Суховой. Он сделал это нарочно. Потом он оставил меня умирать. Он не хотел, чтобы я сказал кому-нибудь, что видел его. Он не хотел выдавать свой секрет.

— Джордж, мне жаль. Мне не следовало упоминать Мэй.

— У меня прежде было все в порядке, ведь так, дядя Сим? Ты же помнишь. Я мог думать, как все другие, и работал на старой ферме отца, и мои дела шли хорошо. Ведь всё было так, правда?

— Ты был прирожденным фермером, Джордж. Достаточно тебе было понюхать горсть земли — и ты сразу же мог сказать, какова она и для чего пригодна. В тебе еще есть что-то от прежнего.

— Суховой не отнял этого. Но он взял всё остальное.

У Джорджа из глаза выкатилась слеза, а он и не заметил.

— Мэй. Я не помню, кто была Мэй. Она была моей женой, дядя Сим?

Сим молча кивнул, не в силах говорить.

— Каким я тогда был? Значит, у меня была жена. Надо же, ведь даже у тебя, дядя Сим, нет жены.

— Я был слишком угрюм для этого, Джордж. И не отличался красотой. Если бы мне удалось обзавестись женой, я бы хотел, чтобы она походила на Мэй.

— Как пшеница на солнце — такие были её волосы. Или я так просто говорил ей иногда, чтобы произвести на нее впечатление. Мог ли я так себя вести, дядя Сим?

— Тогда ты мог. В тебе было что-то от отца.

— И потом явился этот старик Суховой и все забрал у меня. Надо же, чтобы такой ничтожный старикашка принес так много зла.

Не дай бог ему напомнить о ребенке, подумал Сим. Не дай Бог ему вспомнить о том, как он пробирался среди обломков с залитыми кровью глазами в поисках ее мертвого тела и наткнулся на него. Избавь меня от этого сегодня. В моей жизни уже достаточно горя.

Мысли Джорджа опять переключились.

— Неплохо было бы перекусить жареным цыпленком сейчас, — сказал он. А затем впал в состояние безмолвного созерцания всё с тем же печальным выражением лица.

Они остановились в мотеле на съезде с шоссе, на самой окраине города. Вокруг — поля пшеницы и кукурузы до самого горизонта.

Двухместный номер казался роскошным в сравнении с фермерским домом, однако Симу не хватало любимого кресла-качалки, привычного вида с переднего крыльца и трубочки перед сном. Джордж сидел на полу у кровати и смотрел по телевизору какую-то детскую передачу, причем с таким серьезным лицом, будто это была лекция по ядерной физике.

Около половины седьмого они оделись и поехали в ресторан Талла. Это был старый семейный ресторан с клетчатыми скатертями и румяными школьницами, подрабатывавшими официантками. Там всегда было полно детей. Всегда какая-нибудь молодая мама пыталась есть одной рукой, второй успокаивая при этом младенца. А напротив сидел папаша с ребенком постарше, который намазывал масло на горячие булочки и уминал, их как конфетки.

Симу тут нравилось. Ему нравились собиравшиеся за длинными столами всем семейством дедушки и бабушки со всеми детьми и внуками. И хотя он тоже пришел сюда с племянником, но не мог чувствовать себя

одним из этих почтенных стариков с крепкой семьей, и потому печаль не оставляла его.

Кроме них, только один человек пришел без семейства. Он сидел за столом позади Джорджа в чёрном костюме, чёрном жилете и с чёрным галстуком. «Интересно, чем он занимается, — подумал Сим. — Гробовщик, наверное. Если не палач».

Мужчина в чёрном ел суп, периодически останавливаясь, чтобы оглядеть комнату, и чему-то улыбался. Один раз он встретился взглядом с Симом и кивнул. И продолжал оглядывать мир вороньим глазом, будто с позиции иного, более древнего разума.

Через некоторое время он покончил с супом, взял свой чек и направился к кассе. В руках он нёс черный чемоданчик, наподобие лекарского. Вот он кто, подумал Сим. Но скорее всего, пожалуй, коммивояжер.

Они с Джорджем съели свои горячие булочки и жареных цыплят, вареную кукурузу и картофельное пюре с соусом. Затем последовали огромные куски местного яблочного пирога, Управившись с ними, оба откинулись назад, довольные — даже Джордж, при всей своей печали.

— Все было прекрасно, дядя Сим.

— Если бы одна из тех поборниц диетического питания с телевидения увидела нас сейчас, она бы бросила нас за решетку.

Когда они вышли из ресторана, ночь была тихая и душная. Казалось — вот-вот должно что-то случиться, что-то страшное и отвратительное, и всё их хорошее настроение испарилось.

Джордж застыл на площадке перед рестораном, глядя на северо-запад, где небо казалось особенно чёрным.

— Он здесь дядя Сим. Он следовал за нами от самой фермы.

— Кто здесь? — спросил Сим, уже знавший ответ.

— Этот старик Суховой.

— Джордж, давай вернемся в мотель.

Он взял племянника за локоть, прошел с ним к машине и посадил его на переднее сиденье. Всю дорогу к мотелю Джордж то и дело оборачивался. Беда приключилась примерно в это время года, вспомнил Сим. Нервная система Джорджа помнит это и не дает ему покоя.

Сим попытался как-то отвлечь Джорджа.

— Хочешь проехаться в кино?

— Нет желания, дядя Сим.

— Это отвлекло бы тебя от грустных дум.

Джордж повернулся и пристально посмотрел на него.

— Этого я как раз и не хочу, дядя Сим. Может быть, теперь я смогу остановить его. Может быть, удастся хоть один раз не дать свершиться злу. Тогда он, вероятно, задумается, стоит ли продолжать его творить.

— Черт с ним, Джордж.

— Кто-то должен хотя бы раз так сделать. Кто-то должен пресечь это.

— Тебе вряд ли удастся, Джордж.

— Этого я и боюсь, дядя Сим.

Сим привез его в мотель, отвел в комнату, уложил в постель и включил ему телевизор. Может, его мама уговорит завтра, когда приедет. Может, она хоть немного ослабит его меланхолию.

Он захватил трубку, табак и вышел из мотеля на лужайку. К ней почти вплотную примыкало пшеничное поле, отделённое только проволоочной изгородью.

Сим постоял там какое-то время с трубкой в зубах, вглядываясь в темноту. Ночь делалась все более гнетущей.

— Как вы думаете, будет дождь? — слышалось из-за спины.

Сим быстро повернулся. Рядом стоял чёрный человек из ресторана. Он всё еще держал докторский саквояж, но теперь на нем была шляпа наподобие котелка, как в старом кино или на фотографии.

— Может, и пойдет, — сказал Сим.

Человек загадочно улыбнулся.

— Да, мне представляется это возможным. — Он немного помолчал, затем продолжил: — Давненько я не бывал в этих местах. Уже позабыл, что они построили город в излучине этой речушки.

— Ну, этот город стоит здесь сотню с лишним лет.

— Надо же, и впрямь так долго? Как летит время.

Сим нервно хохотнул. Шутник, подумал он, хотя по спине пробежали мурашки.

— Чем вы торгуете? — спросил он.

— О, я странствую.

— Что именно вы продаете?

— Продаю? Я ничего не продаю. Я немного демонстрирую свои возможности. Ну, например, на прошлой неделе я проводил небольшой показ в Центральном районе. Конечно, когда-нибудь моё начальство наложит свою резолюцию и покажет людям, чего можно достичь. Подготовка идет уже давно. По правде говоря, ждут подходящего случая.

— Я не понимаю, куда вы клоните.

— Правда? Ну, давайте скажем так: точно определить мое дело трудновато. А ваше?

— Я просто фермер.

Незнакомец улыбнулся:

— О.

— Это честная профессия.

— Я не отрицаю. Правда, довольно рискованная в связи с метеоусловиями, не так ли?

— Да уж. Эти метеоусловия могут доконать фермера.

Тот снова улыбнулся.

— Я совершенно согласен, — сказал он.

Они долго стояли молча, и все вокруг них, казалось, притихло, как перед смертью — даже транспорт на шоссе.

— Мне пора, — произнес наконец черный человек. — Сегодня нужно успеть доставить несколько образцов.

— А не поздно ли?

— О, чем позже, тем лучше. Собственно говоря, это самое подходящее время.

А затем он слегка коснулся своего котелка и растворился в темноте.

Сим проводил его взглядом, выбил трубку и направился к мотелю. В одном из окон второго этажа мелькнуло бледное лицо Джорджа.

Что-то заставило Сима ускорить шаги. Достигнув лестницы, он мигом взлетел вверх по ступенькам. На пороге номера он заметил, что дверь полуоткрыта. Он шагнул внутрь. Джорджа там не было. Ни одежды, ни ботинок.

Сим подошел к окну. Резко раздвинул занавески. На лужайке внизу никого, но вдаль, на прилегающем к ограде поле пшенице он различил движение.

Джордж, подумал он. Какой дьявол тебя попутал?

Он помедлил еще немного, потом направился к двери. Но на лестнице внезапно его охватил страх.

Джордж шёл по тропинке среди пшеничного поля. Он надеялся, что ужасный старикашка не догадывается о его цели, но кто знает? Вполне вероятно, что он нарочно выманил Джорджа, желая довести до конца начатое в тот день, когда он убил Мэй и Марджори. Покончить с ним навсегда. Чтобы Джордж не рассказывал больше никому, хотя ему нечего беспокоиться, поскольку никто ему бедолаге, и так не верит.

Этот котелок — его он помнит хорошо.

А там, в мотеле, всё с тем же саквояжем, с кем он говорил? — С его дядей Симом. Не связан ли как-то с ним дядя Сим? Нет, трудно поверить этому. Сим, как все остальные люди, тоже думает что всему виной метеоусловия.

А все этот старикашка в котелке. Сколько бед он принес. Какое горе, какие страдания. Эти черные извивающиеся свирепые звери в его бауле — они там и сейчас толкнутся в нетерпении выскочить наружу. Вот почему воздух был так неподвижен. Он застыл от страха перед ними.

Легкий порыв ветра примял пшеницу. Его прохладные пальцы коснулись лица, будто слепой пытается определить, кого обнаружил. Нужно спешить, подумал он. Уже готовится. Вот-вот он выпустит одного из своих зверей, и тот разнесет всё в щепки.

Ветер усилился, по пшенице побежали волны. Запахло сухой землей и мякиной. Пыль летела в глаза и слепила их.

Он неуверенно двигался вперед. Мэй, Мэй, думал он. Волосы цвета пшеницы отливали на солнце, как золотой шелк под его рукой, обнимающей её плечи. Румянец, заливший ее целиком, когда впервые они невинно ласкались на заднем сиденье машины. Было ли это? Или это его бедный поврежденный рассудок извлек из череды теле- и кинообразов?

А Марджори — о, боже мой, Марджори! Ее изломанное тело, брошенное жутким зверем среди развалин дома. Бледные как мел щёки в зеленоватом свете, золотистый шёлк волос потемнел от дождя и крови. А тело холодно, совсем ледяное — ничто его уже не согреет.

Его глаза опять затуманились, на этот раз не от пыли, а из-за кошмарного воспоминания.

Ветер подул сильнее. Он налетал порывами и пронизывал до костей.

Джордж внезапно подошел к месту, где колосья пшеницы полегли полукругом. И там, в самом центре, сидел на корточках возле саквояжа человек в котелке.

Он поднял голову, и его глаза блеснули зеленым светом, подобно зарнице. Джордж еще не успел ступить на примятую площадку, и поспешно пробирался в бушующей темноте. Человек в котелке продолжал заниматься своим делом, как будто и не заметил его.

Его саквояж был раскрыт, и именно оттуда вылетал ветер, извергаясь бесконечным потоком. В саквояже шевелились кожаные мешочки, будто внутри них кто-то возился. Выбрав один из них, старикашка подержал мешочек перед глазами, решил, что это не то и положил назад.

Он порывлся еще, вытащил два или три мешочка и опять положил обратно. Каждый дрожал в его руке как бы в нетерпении вырваться на свободу, а затем в расстройстве подскакивал на дне саквояжа. Наконец он нашел тот, который искал. По губам зазмеилась зловещая улыбка.

Он сунул мешочек себе в боковой карман, закрыл баул и отставил его

в сторону. Ветер, волновавший пшеницу в поле, пропал совсем. В наступившей тишине было слышно, как возится мешочек в кармане.

Старикашка вытащил его наружу. Защемив горловину большим и указательным пальцами, медленно распустил стягивающий шнурок. Затаившийся зверь знал, что скоро выйдет наружу. Казалось, он готовится к броску.

Черный человек опустил кожаный мешочек на землю и разжал пальцы. Что-то вырвалось наружу. Маленькая извивающаяся воронка тьмы, казалось, концентрировала вокруг себя жуткий зеленоватый свет.

Опять поднялся ветер. Обтекая Джорджа, он дул к центру площадки. Воронка собирала ветер отовсюду, она питалась им. Она росла. Суховой достал что-то, похожее на указку из внутреннего кармана. Он растянул эту указку в длину почти до трех футов. Затем начал подправлять черную воронку, легко ударяя то там, то тут, заставляя действовать по своему желанию. Теперь уже вихрь вырос по колено. Джордж слышал производимый им пронзительный звук, напоминающий звук электровентилятора, работающего на большой скорости. Он также слышал потрескивание жёлто-зелёных искр молнии, создаваемой этой воронкой.

Тот самый зверь, подумал он, и колени его подкосились.

Зверь, погубивший всех.

Ветер завывал все сильнее в ушах Джорджа. Теперь воронка вздыбилась выше головы медведь-гризли. Он ревел злобно и требовательно. Суховой важно ходил вокруг него, как укротитель, отступая, когда тот бросался на него, затем щёлкал стеклом, напоминая, кто хозяин.

Зверь вырос еще больше — став свирепым носорогом, потом — тираннозавром. Чёрный человек оставался его чванливым хозяином, потешающимся властью над мощью создания, которое он держал в узде, его зелёные глаза излучали злобную радость.

Затем внутри воронки засверкали молнии, настоящие молнии. Страшилище бросалось во все стороны, неистовствуя, будто с десятков курьерских поездов свистело и гудело внутри. Суховой откинул назад голову и разразился хохотом.

Джордж полз на четвереньках, цепляясь за землю, чтобы его не унес ветер. Точь-в-точь как в тот раз. Только теперь погибнет он.

— О, Мэй! — вскричал он. — Марджори-и!

И тут его силы умножились. В душе поднялась гигантская волна, под стать перенесенному горю. Он поднялся наперекор ветру и ринулся через смятую пшеницу к человеку в котелке.

Тот заметил его и повел своей указкой. Шквал ветра вырвался из самых недр вихря. Налетел на Джорджа и свалил его с ног.

Переносица хрустнула, и во рту появился вкус крови. Но он все же поднялся. Новый страшный удар вихря-зверя. Джордж упал в пыль и смотрел вверх прямо на громаду.

«Сим», — зывал он, — «помоги мне».

Но Сима не было. По крайней мере, здесь. Ему придется биться в одиночку.

Джордж поднялся на четвереньки. Человек в котелке бесновался, размахивая своей указкой, как дирижерской палочкой. Огромный зверь всё ревел и ревел, и ослепляющие удары энергий kloкотали в его страшной воронке. Джордж собрался и вложил все силы в бросок. Этот

глупец думал, что с помехой покончено. Этот глупец смотрел в другую сторону. И теперь Джордж сцепился с ним.

Они упали на землю. Указка разбилась на мелкие кусочки. Суховой дышал ему в лицо, и от него пахло озоном, как после разряда молнии. Джордж сжал руками его горло.

Над ними вихрь-зверь, казалось, заколебался. Его хозяин повержен, и теперь он свободен. Но куда двинуться? В каком направлении его ждет наибольшая добыча? Внезапно он принял решение и бросился через пшеничное поле к шоссе, руша все на своем пути.

Суховой сбросил с себя Джорджа, как ребенка. Затем ударил его, и Джордж откатился на десяток футов,

— Грязный деревенский мальчишка! — Его глаза горели зеленой злобой. — Ты во всём виноват! Ты дал возможность ему ускользнуть, прежде чем я изготовился, и теперь ему не удастся повредить почти ничего в городе!

Он собрался и нанес новый свирепый удар. Под ударами Джордж перекачивался в грязи.

— Я хотел сравнять этот город с землей! Я хотел показать этим людишкам, как они слабы и ничтожны! В этом моя работа! Это моё ремесло! И ты заплатишь, мальчишка! Не смей мне перечить! Не тебе становиться на пути метео-Суховея!

Он сунул руку за полу пиджака. Джордж лежал сокрушенный и беспомощный, не в силах двигаться. Показалась наружу рука Суховея, потрескивая огнем. Он оттянул руку назад, как будто собирался метнуть копье, и вдруг из нее вылетела молния и ударила прямо в грудь Джорджа.

Джордж закричал, пораженный молнией, и его крик понесся вслед за смерчем в ночь.

Торнадо застал Сима на поле, но он сумел броситься в канаву и спастись. Крыша мотеля оказалась сорвана. На стоянке погибла мать четверых детей. Повырывав с корнем деревья и разбросав машины, смерч унесся дальше в ночь, не затронув город.

Когда дождь прекратился, Сим пробрался обратно к мотелю. С карманным фонариком из разбитой машины он снова вернулся в поле. Он долго не мог найти тело Джорджа, но в конце концов фонарик осветил его, распростёртым в грязи.

Сим направил луч на его лицо. Нижняя челюсть безжизненно отвисла, голубые глаза страшно выпучились. Печаль стерлась с его лица, но проступило другое выражение. Более жёсткое.

Когда Сим повернул назад, порыв холодного ветра хлестнул его по щеке. Замогильный порыв. «Суховой», — подумал он. И вздрогнул, помимо своей воли.

Джон Морресси
УОЛТЕР И ЧУДЕСНЫЕ ЧАСЫ¹¹
(Рассказ)
Перевела Надежда Подпорина

Когда Уолтер решил отправиться по свету попытать счастья, его родители вздохнули с облегчением.

— Пора кому-то в этой семье попробовать зарабатывать на жизнь, — сказали они.

Уолтер был их младшим сыном. Хороший паренёк, но в доме стало тесновато. Детей набралось почти две дюжины, причем один другого ленивее, глупее и бестолковее. Да еще заезжие кузены, дядюшки и тетюшки время от времени сваливались как снег на голову и задерживались на месяц, а то и дольше. В эту толпу нетрудно было затесаться и совсем посторонним людям, которые тоже не спешили убраться восвояси. А если учесть, что в домике было всего две комнаты, семейству Уолтера жилось не слишком просторно.

— Не дашь ли мне какой-нибудь совет, папочка? — спросил Уолтер, укладывая свои немногочисленные пожитки.

— Да. Найди где-нибудь себе хорошее местечко и останься там, — сказал его отец.

— И пригласи своих братьев и сестер погостить, — добавила мать.

Стоящий в дверном проеме дядюшка вставил свое слово:

— И у меня есть совет для тебя, молодой человек: никогда не разговаривай с незнакомцами.

— Если я не стану разговаривать с незнакомцами, как же тогда я узнаю дорогу и отыщу работу? — спросил Уолтер.

— И еще один совет: не умничай, — произнес дядя и отправился вздремнуть.

— Если собираешься попытать счастья, нет никакого смысла напрасно тратить время на болтовню. Лучше начать не откладывая, — сказал отец Уолтера, направляя его к выходу.

Кузен Уолтера Джордж, незадачливый добродушный парень, правдами и неправдами избегающий всякой работы, глянул вверх со своего удобного местечка у камина и крикнул вслед:

— Вы же не можете отпустить такого парня, как Уолтер, в мир без единого пенни в кармане?

— Почему бы и нет? Он таким и пришел в него, — сказал отец.

— У него даже кармана не было, — добавила матушка.

Не обращая на них внимания, Джордж сказал:

— У меня есть подарок для тебя, Уолтер. Отец подарил мне их, когда еще верил, что я могу найти работу.

Он полез во внутренний карман жилета и вынул некий предмет в форме часов потускневшего черного цвета.

— Стоит отполировать немного, — сказал он, со щелчком открыв крышку. Стрелки указывали девятнадцать минут второго. А еще только рассвело. Уолтер взял часы и осторожно встряхнул их. Ничего не произошло.

— А они ходят? — спросил он.

— Дважды в день они показывают совершенно точное время, без сбоев. Большинство часов и этого не может. Заботься о них, мальчик мой.

Уолтер начал прощаться, но родители взяли его под руки и повели к дверям. Крикнув «Спасибо!» кузену Джорджу, он отправился в столицу.

День был солнечным и теплым, и, прошагав несколько часов, Уолтер остановился отдохнуть. Солнце стояло прямо над головой, и он рассудил, что сейчас должно быть двенадцать часов. Он решил поставить обе стрелки на двенадцать, завести часы и посмотреть, будут ли они идти правильно. Когда он это сделал, часы бодро затикали.

— Кажется, вы хорошие часы, — сказал Уолтер. — Я надеюсь, что вы не подведете.

— Конечно, нет. Только не забывай нас заводить, — сказали часы.

— Прощу прощения. Это вы сказали?

— Мы ответили на твое приглашение к диалогу, как того требовала вежливость.

— Вот не знал, что часы умеют говорить.

— Разве ты никогда не слышал выражение «Время подскажет»?

— Не задумывался, что так и выйдет.

— Ну, теперь знаешь, — сказали часы. — Ты извлек ценный урок сегодня, и еще не вечер.

— Вы можете еще что-нибудь сказать мне? — спросил Уолтер.

— О, массу вещей. Для начала я могу сказать тебе, что ты установил нас с опозданием на одиннадцать минут.

— Я исправлю это немедленно, — сказал Уолтер. И сделал это.

— Так намного лучше. До чего же хорошо быть точными, — сказали часы.

— Почему это вы говорите со мной? — спросил Уолтер. — Я знаю, «Время подскажет», но я дома никогда не слышал, чтобы вы говорили. И остальные часы молчали. Никогда не слыхал, чтобы часы с кем-нибудь разговаривали.

— Мне больно признавать это, мальчик мой, но правда в том, что часы вообще довольно скучный народ. Они могли бы делать своевременные замечания по любому возможному поводу, но не делают этого. Солнечные или песочные часы могут наскучить вам до слез, и большинство наручных и настенных часов довольствуются тем, что только бьют или звонят, или тем, что каждый час выпускают из себя пройтись туда-сюда маленькие фигурки. Одно и то же день за днем, день за днем. Ограниченные возможности и ни малейшего воображения. Печальное зрелище. Но немногим из нас удалось развить искусство диалога и навыки общения.

По дороге часы развлекали Уолтера анекдотами, песнями и историями. Часы проявили себя остроумным и приятным собеседником. Уолтер чувствовал, что он получает образование прямо на ходу. Он уже размышлял о том времени, когда, благодаря таким часам, страшно преуспеет в жизни.

Наконец, они прибыли в столицу королевства и увидели, что все статуи и общественные здания облачены в траур, а люди выглядят

подавленными. Уолтер сразу поник.

— Кажется, мы попали сюда в недобрый час, — сказал он.

— Позволь мне судить об этом, — сказали часы. — Сначала узнай, в чем дело.

Уолтер остановил проходившего мимо человека и поинтересовался, в чем причина этого уныния.

— Все дело в короле, — ответил прохожий.

— Он умер? — спросил Уолтер.

— Нет, — с заметным сожалением вздохнул человек. — Ему все наскучило. Он перепробовал все забавы и не знает теперь, чем развлечься. За этот месяц король уже дважды повысил налоги и вот-вот объявит войну.

— Войну! — в ужасе воскликнул Уолтер. — А против кого?

— Этого он еще не решил.

Значит, этот король, смекнул Уолтер, не особенно хороший король. Он потакает всем своим прихотям, избалован и жесток. Большую часть казны он потратил на свои игрушки, развлечения и всякие безделицы. Ему не было дела до людей, пока его веселили эти забавы, но, потеряв к ним интерес, король решил заняться-таки общественными делами. Он заточает людей в подземелья, рубит головы, повышает налоги, затевает войны, и никогда не знаешь, какая следующая причуда ударит ему в голову.

Вечером в убогой хижине за постоялым двором Уолтер поделился своими мыслями с часами:

— По-моему, мы прибыли в неудачное место.

— Напротив, мой мальчик, — возразили часы. — Для тебя это прекрасная возможность.

— Остаться без головы?

— Нет-нет-нет. Разбогатеть. Завтра мы должны попасть к королю.

— Но меня ни за что не пропустят во дворец!

— Доверься мне, Уолтер.

— Но я понятия не имею, как разговаривать с королем. Я просто хочу найти работу.

— Предоставь все мне и делай, как я скажу. А пока мы посоветовали бы тебе отполировать нас.

На следующее утро, тщательно умывшись, вымыв руки и почистив платье, Уолтер отправился во дворец. Но стражник заступил ему путь.

— Попрошкам и бродячим торговцам вход воспрещен. — заявил стражник.

— Я не попрошка и не торговец. Я принес королю подарок. — ответил Уолтер.

Стражник глянул на него с презрением:

— Какой — ком грязи?

Уолтер повторил слова, которым его научили часы этим утром:

— Время лежит тяжким грузом на королевских плечах. Я принес подарок, который его осчастливит. А если король счастлив, он сделает счастливыми и вас, и меня. Поэтому пустите меня к нему как можно скорее.

Стражник с минуту обдумывал это, затем произнес:

— Хорошо. Но если твой подарок не сделает счастливым короля, мы с королем живо сделаем очень несчастливым тебя.

Он позволил Уолтеру войти. Там камердинер повел его по длинному

лабиринту коридоров, заваленному сломанными игрушками и надоевшими после минутного увлечения диковинами, пока они не добрались до тронного зала, в котором восседал король и дулся.

— Ваше Величество, я привел к Вам юношу с подарком для Вас. — объявил сопровождающий.

Король взглянул на Уолтера и с презрением отвернулся.

— Разве может у этого вшивого маленького оборванца быть что-то, способное заинтересовать меня?

— Часы, Ваше Величество, — ответил Уолтер.

— Мы король, глупый ты мальчишка. У Нас тысячи часов.

— Мои часы говорят, — возразил Уолтер.

Глаза короля загорелись. Его надменность исчезла.

— Говорящие часы?

Уолтер вынул часы из кошелька и протянул их королю. Они маняще блеснули и произнесли:

— Доброе утро, Ваше Величество. Очень приятно видеть Вас в добром здравии.

— Они разговаривают! Они действительно разговаривают! — воскликнул король. — Отдай их Нам сейчас же.

Уолтер вложил часы в жадно протянутые руки короля.

— Говорите с Нами! — приказал он.

— Как угодно Вашему Величеству! — ответили часы. — Что Вы предпочитаете: увлекательную беседу? Пение? Поэтическую декламацию? Мимолётные наблюдения? Обдуманнные выводы? Патриотические речи? Шутки и истории?

— Всё сразу! — воскликнул король, с ликованием подпрыгивая на троне. — Начнем с увлекательной беседы. Здесь нечасто доводится этим заниматься, скажем Мы вам прямо. Наши придворные — толпа простофиль. Мы здесь только и делаем, что коротаем тягостные часы.

— О, Ваше Величество, я разделяю ваши чувства. Я прекрасно знаю, что такое тягостные часы, поверьте мне, и нет ничего более досадного. Полдень и Полночь абсолютно невыносимы.

— В самом деле? Почему же?

— Они считают себя такими необыкновенными. «Солнце в зените», «колдовской час» и всякое такое, Вы понимаете, о чем я. И остальная компания не лучше. Семь убеждены, что являются магическим числом, и настаивают, чтоб их именовали «Счастливыми». Шесть практически так же несносны — постоянно требуют признать их основой всей системы счисления. Из-за этого у них постоянные склоки с Десятью. Девять и Пять все называют себя друзьями рабочего люда, отчего даже не разговаривают с Восемью и Четырьмя, которые претендуют на ту же честь. Это очень утомительно, поверьте мне.

— А приятные часы есть? — спросил король.

— Единственные часы, которые я на самом деле люблю — это Второй и Третий час. Они не суетятся по пустякам, не жалуются и не требуют внимания, просто делают свое дело, не теряя времени.

— А как насчет Десяти и Одиннадцати?

— В Десяти есть что-то от сноба. «Час Банкиров», знаете ли. Впрочем, Одиннадцать — славный малый. Очень дружелюбен. Всегда готов перекусить и поболтать пару минут. Не то что Первый.

— А что с ним?

— Он нелюдим. Очень необщителен.

— Это восхитительно! Захватывающе! Мы не наслаждались такой увлекательной беседой в уже много лет.

— О, это пустяки. Я знаю хронометр, который может плести байки о морях дни напролет, ни разу не повторяясь. Очень жаль, что Ваше величество не может покинуть дворец на несколько дней.

— Мы король и Мы можем все, что захотим. Куда Вы Нас поведете? В какое-нибудь удивительное место, Мы уверены.

— Ваше величество, это будет лучшее время в вашей жизни.

— Тогда отправимся сейчас же. Мы вызовем королевский экипаж.

— Нет необходимости, Ваше Величество. У меня крылатая колесница. Гораздо быстрее, и вид изумительный. Это Вас развлечет.

В тот самый момент, когда Часы это произнесли, под потолком тронного зала появилась массивная крылатая колесница и, описав круг, опустилась к подножию трона. Король затопал ногами от восторга и воскликнул:

— О, это чудесно! Чудесно!

— Прежде, чем мы отправимся, я должен проститься со своим прежним владельцем.

— С этим жалким мальчишкой? Сделайте это побыстрее.

Очутясь в руке Уолтера, Часы тотчас же зашептали:

— Мы с Королем отправляемся в долгий путь. Не упусти свою возможность, мой друг.

— Какую возможность?

— Как только мы уедем, трон освободится. Навсегда. Усядься на нем попрочнее и провозгласи себя новым правителем. Прикажи, чтобы стража присягнула тебе на верность. Проведи церемонию коронации сегодня же днем. Освободи всех заключенных и объяви, что темницы закрыты до особого распоряжения и казна больше не будет растрачиваться на всякие игрушки, отныне никаких новых налогов и никаких войн. Народ тебя полюбит, и твоя семья будет очень счастлива здесь, во дворце. В нем тысяча сто комнат.

— Я не понимаю. Что происходит?

— Мальчик мой, я не обычные часы. На самом деле я и не часы вовсе, я агент особого назначения Отца-Времени.

— Ну и маскировка — просто блеск!

— Спасибо. Я шел по следу этого короля много лет. Если б твой кузен Джордж не перестал меня заводить, я бы уже давно его забрал.

— Забрал куда? Куда вы направляетесь?

— В Зал заседаний Хроноправосудия. Король давно объявлен в розыск. Он не только злоупотреблял временем и напрасно тратил его — он фактически убивал время, а затем хвастался этим злодеянием. Ему предстоит за многое ответить.

— А вы его что, обратно возвращать не собираетесь?

— Время летит, мой мальчик. Но лишь в одном направлении. Прощай, и удачи тебе на твоей новой работе.

— Но я не знаю, как быть королем! — проговорил Уолтер с возрастающей паникой.

— Ничего не бойся. Время на твоей стороне.

— Вы заставляете Нас ждать! — воскликнул король.

Уолтер подбежал к нему и протянул часы. Король схватил их. Сжимая их в обеих руках, он запрыгнул в колесницу, которая сразу расправила крылья и вылетела в одно из высоких окон. Пока стражники

застыли с открытым ртом, Уолтер подбежал к пустому трону, поднял оставленный скипетр и объявил себя Королем Уолтером Первым. Стражники засомневались на мгновение, переглянулись, а затем коленопреклоненно поклялись ему в верности.

Уолтер поселил всех своих братьев и сестер, кузенов, дядей, тетю и прочих приживал во дворце и даровал каждому титул. Они оставались такими же ленивыми, глупыми и бесполезными, как всегда, но теперь, когда они стали дворянами и дворянками, окружающие считали их образ жизни восхитительным, и принимали их выходки с большим восторгом.

Королем Уолтер оказался весьма достойным. Он сдержал свое обещание, объявил много праздников и позаботился о том, чтобы все часы в королевстве содержались в хорошем состоянии. До конца своих дней он был олицетворением пунктуальности.

ПЯТЬДЕСЯТ СВЕТОВЫХ ЛЕТ СПУСТЯ

ФАНТАСТИКА ЛЮБВИ: КАРЕЛ ЧАПЕК И ОЛЬГА ШЕЙНПФЛЮГОВА

Подготовила и перевела Елена Овчаренко-Чернодубровская

Всемирно известный чешский писатель Карел Чапек (1890-1938) больше всего любил работать в жанре социальной фантастики. Его первым ярким произведением этого рода стала драма «R.U.R» (1920). По свидетельству близко знавших его людей, Чапек включал на полную мощность радио и садился за письменный стол работать. Погружаясь в свои фантастические миры, он предпочитал отгораживаться от мира реального этой своеобразной «шумовой завесой»

Однако в том же 1920-м году писатель создал и тонкую лирическую комедию «Разбойник». Оказывается, реальный мир все-таки перешагнул порог его кабинета: он влюбился, а роль Мими — «двадцатилетней девушки с мягкими и нежными чертами лица» — предназначалась для юной актрисы Ольги Шейнпфлюговой (1902-1968)¹². Правда, сама Ольга,

¹² Ее фамилия в соответствии с чешской фонетикой точнее звучит как «Шайнпфлюгова», но мы предлагаем более удобопроизносимый для русскоязычных читателей вариант.

пробующая, кстати, свои силы и на литературной ниве, признавалась, что задолго до реального знакомства влюбилась в него заочно — по рассказам отца, известного журналиста и редакционного коллеги Чапека. Да что там рассказы отца — о нем говорила вся Прага! Олинка не пропускала ни одной его книги и даже узнала бы его на улице благодаря многочисленным фотографиям в газетах и журналах, хотя и представить себе не могла, что однажды, после спектакля, он в знак восхищения её игрой снимет перед ней шляпу.

«...Добрый вечер, — сказал он слишком громко, как будто бы знал её сто лет, — может быть, вы не очень рассердитесь, что к вам явился один нахальный человек — моя фамилия Чапек. Знаете, тот самый, который пишет разные рассказы. Я был в театре и не смог не зайти к вам. Очень дерзко, да?» — так много лет спустя вспоминала Ольга Шейнпфлюгова их первую встречу в своем «Чешском романе». В ту пору Карелу Чапеку исполнилось тридцать лет, Ольге — семнадцать, дальнейшие события развивались стремительно: весной 1921 года Чапек делает ей предложение. Лето будущие новобрачные проводят в горах, в Крконошах. Потом невеста вернулась в Прагу, а жених поехал за благословением к родителям, которые тогда жили в Словакии. Но тут в реальную жизнь вторгается фантастика: Чапек как сквозь землю провалился! О нем нет ни слуху, ни духу — совсем, как в его зловещем рассказе «Исчезновение актера Бенды»: «Второго сентября бесследно исчез актер Бенда...»

Далее мнения дотошных исследователей жизни и творчества Карела Чапека кардинально расходятся. Одни видят в этом исчезновении благородный поступок: на основе ошибочного диагноза (болезнь позвоночника ревматического характера) Чапек посчитал себя приговоренным к смерти или — в лучшем случае — к инвалидному креслу. Действительно, несколько недель спустя ничего не знающая и не понимающая Ольга получила от него странное письмо: «...Итак, девочка, человек, который клятвенно обещал Богу, врачу, Вашему отцу и своей совести, что Вас уже никогда не увидит, что втихомолку залезет куда-нибудь подальше и откажется от всего, чтобы не коверкать Вашу молодую жизнь, выдержал только до этого дня... Я не хочу, чтобы когда-нибудь Вы, девочка, возили меня в коляске...»

Другие видят в этом исчезновении... новую любовь, о которой Ольга так ничего и не узнала, и называют её причиной бегства из-под венца, полагая, что именно эта, другая женщина стала прообразом Принцессы в новом фантастическом романе «Кракатит» — её имя так и осталось зашифрованным где-то между строк книги. Они объясняют исчезновение Чапека внезапно захватившей его новой страстью, кажется, увы! не взаимной.

Итак, писатель отказывается от реального счастья с Ольгой, но мир фантастики для него по-прежнему родной — написаны романы «Фабрика Абсолюта» (1923) и «Кракатит» (1924).

Однако реальный мир взял свое четырнадцать лет спустя: в сентябре 1935 года Ольга Шейнпфлюгова и Карел Чапек все-таки стали мужем и женой, но были вместе всего три года — на Рождество 1938 г. Чапека не стало... Ольге же он давно предсказал долгую жизнь (она пережила мужа на тридцать лет) и то, что особенно ей удадутся роли старух. Так оно и вышло, и её последней ролью стала Мать в одноименной пьесе Чапека.

По свидетельству близко знавших их обоих, Чапек её любил — не фантастически, а вполне реально: писал для неё роли положительных героинь, приспособливая их к особенностям её произношения; в свои очерки «Путешествие на Север» ввел её стихи о путевых впечатлениях и даже воспользовался её сюжетом, о чем не забыл упомянуть в предисловии к изданию пьесы «Мать» (1938).

Ольга Шейнпфлюгова посвятила Карелу Чапеку, может быть, самое значительное свое произведение — «Чешский роман», в котором попыталась рассказать историю своих с ним отношений, но... когда женщина стоит у зеркала со спутником — пусть даже знаменитым, она все равно видит только себя... Впрочем, «Чешский роман» ценен цитированием подлинных писем к ней Чапека и любопытными документальными деталями из их совместной жизни; например, милый фокстерьер Дашенька, историями про которого зачитывается не одно поколение детей, на деле был, по словам Ольги Шейнпфлюговой, «злой шавкой», и писателю часто приходилось оплачивать прохожим разорванные Дашенькой штанины...

Литературное наследие Ольги Шейнпфлюговой очень многообразно: от стихов и рассказов до детективов и сказок. Но, несмотря на то, что она выросла в литературной семье (её отец и брат были известными пражскими журналистами), главным в её жизни все-таки стал театр. В семнадцать лет она начала выступать на сцене окраинного пражского театра и одновременно появились в печати её первые стихи и рассказы. В России имя Ольги Шейнпфлюговой почти не известно: мы не видели ни её театральных, ни даже киноролей, а литературное её наследие представлено только сокращенным переводом «Чешского романа» (выходил дважды — в 1983 и 1991 гг., в составе сборников «Карел Чапек в воспоминаниях современников»). Конечно, Чапек оказал на творчество О. Шейнпфлюговой большое влияние, увлек своим фантастическим видением мира, что особенно ощутимо именно в её сказках¹³. На их страницах мы встречаем то этакое странное существо — *гейкала* (одно из прозвищ чешского лешего), то не менее странную лесную фею, которая во что бы то ни стало желает сделать прическу у самого модного пражского парикмахера Юлиуса, то тщеславного принца, сумевшего достичь неба, но не своей мечты... Эта многозначительная сказка «О заблудившемся человеке» — одна из лучших в творчестве Ольги Шейнпфлюговой. Скорее, это даже легенда, похожая на звездные мифы древних греков: они увидели на небе храброго Персея и красавицу Андромеду, сильного Ориона, близнецов Кастора и Поллукса, а Ольга Шейнпфлюгова среди звезд оставила горевать своего честлюбивого принца Альдебарана (он назван по имени альфы Тельца — самой яркой звезды этого созвездия).

...Кажется, в последние годы своей жизни и сама Ольга стала легендой — в лучах посмертной славы великого фантаста Карела Чапека. Во всяком случае литератор Франтишек Крчма — близкий друг её последних лет — частенько говаривал: «*Трудно быть мужем вдовы Карела Чапека!*» А однажды, когда Ольгу Шейнпфлюгову пригласили выступить в одном из гарнизонов, и вовсе произошел казус: ведущий, молодой

13 На русском языке издавались дважды — в 1999 г. (изд-во «Диалог-МГУ») и к столетию писательницы в 2002 г. (изд-во «МаксПресс») — в переводе автора этих строк.

солдатик, не слишком сведущий в истории чешской литературы, объявил: «Сейчас перед вами выступит вдова Ярослава Гашека!» Ольга парировала мгновенно: «Зачем тревожить прах Гашека или моего мужа *Чалека* ! Я просто Ольга Шейнпфлюгова!»

Так что будьте добры, прочтите эту сказку *не как произведение вдовы Карела Чалека* , а просто — как фантастическую историю, вышедшую из-под пера чешской актрисы и писательницы Ольги Шейнпфлюговой...

Ольга Шейнпфлюгова **СКАЗКА О ЗАБЛУДИВШЕМСЯ ЧЕЛОВЕКЕ**

Принц Альдебаран родился ночью. Когда он первый раз заплакал, еще не видел ничего, но когда открыл глаза, увидел звезды.

...Принц был древнего и могучего рода. Его отец, Король Северных островов, шесть раз воевал со своими соседями и шесть раз побеждал их.

Принц с детства мечтал о таких сраженьях. Он любил читать жизнеописания разных королей и полководцев. Но до него на свете их было так много, что, должно быть, думал принц, они уже завоевали и перезавоевали все земли. И тогда он стал смотреть на небо — а что, если завоевывать звезды?

Теперь принц до поздней ночи пропадал в королевском парке, глядя на звезды, рассыпанные в черном небе. А днем по звездным атласам изучал расстояния до них.

А вокруг раскинулся неведомый принцу мир: бегущие вдаль дороги, цветущие солнечные луга, дремучие леса, быстрые реки. Много снега выпадало каждую зиму, много цветов расцветало каждую весну, но принц этого даже не замечал.

«Здесь, на Земле, звезды никого не интересуют, этот мир так ничтожен», — думал принц, хотя ни разу не огляделся вокруг. — «Там, в вышине, на какой-нибудь далекой, прекрасной звезде наверняка все по-иному».

Принц не хотел учиться ничему, кроме астрономии. Его учителями были все знаменитые астрономы государства, но часто, не дослушав их объяснений, он задавал им свой единственный вопрос: «Как далеко от нас самые низкие звезды?» — и сам вычислял громадные небесные расстояния.

Бабушка часто говорила ему: «Не залетай в мыслях так высоко, внучек». И однажды, рассердившись, принц Альдебаран заточил ее в каменную башню.

Уже никто ему больше не мешал.

В королевских покоях и на улице принца сопровождали двое немых слуг, потому что его глаза всегда были обращены к небу.

...А на Земле опять наступила весна, и лучи солнца купались в ясных реках вместе с ватагами ребятишек. По берегам веселых ручейков расцветали задумчивые незабудки, синее весеннее небо опускалось на дальние горы, и они, голубые от небесного света, крепко держали его на своих вершинах. И снова все приближенные принца, любившие его, но не понимавшие его звездного безумства, говорили ему: «Пожалуйста, посмотрите кругом, Ваша светлость!» И печально шептали друг другу: «Ах, если бы принц хоть раз опустил глаза вниз!»

Однажды принц все-таки посмотрел на Землю. И увидел прямо у своих ног грязного и нищего калеку, подползшего за милостыней. Принц содрогнулся от отвращения и больше никогда уже не отрывал глаз от неба.

Его министры позабыли былые распри и сообща ломали головы, как вернуть принца на Землю, а принц по-прежнему продолжал изучать звездные атласы и искать путь к звездам.

И вот однажды, когда принцу исполнилось семнадцать лет, он созвал дровосеков, плотников и столяров со всего королевства и приказал им строить лестницу на небо. Строили ее и днем, и ночью три года, и лежала она поперек всего государства — на полях, дорогах, реках, но не было этой работе ни конца, ни краю. Строили лестницу еще шесть лет, и уже ни один математик королевства не мог сосчитать, сколько у ней ступенек. Наконец, лестница была готова, и стояла она твердо между небом и землей, потому что земля притягивала ее снизу, а месяц — сверху.

Ступил на нее принц Альдебаран и даже не посмотрел на прощание вниз.

...Трудная это была дорога — дорога на небо. Летом принц обжигался о раскаленное железо, зимой скользил по льду, от высоты у него кружилась голова, но он поднимался все выше и выше.

Отгорали дни и таяли ночи. Днем небо над принцем сияло от солнечного света, ночью чернело от густого мрака, озаренного блеском звезд.

А принц Альдебаран все поднимался.

Его одежду содрали дождь и ветер, и он, нагой и обветренный, уже с трудом карабкался вверх.-

...Однажды ночью у него иссякли последние силы. Принц присел на перекладину и стал ждать, когда взойдет месяц.

Вот исчезли ночные облака, выплыл ясный месяц, и принц первый раз оторвал глаза от неба, чтобы взглянуть на себя. Он увидел старое, дряхлое тело, трясущиеся, жилистые руки и седую бороду.

Опечалился принц Альдебаран. Понял он, что провел на лестнице всю свою жизнь. Горько вздохнул и посмотрел вверх.

Ночь была темная и беспокойная. Звезды сияли на черном небе маленькими серебряными капельками, высокими и недоступными, как и много лет назад, когда он увидел их впервые. И поникла голова старого принца, но тотчас ослепила ему глаза прекрасная голубая звезда. Сильно забило сердце принца. Оказывается, внизу, под ним, тоже были звезды?

Мимо летели большие ночные птицы. Принц Альдебаран протянул к ним старую дрожащую руку. «Птицы, — крикнул он, — скажите мне, что это за прекрасная и далекая звезда внизу под нами».

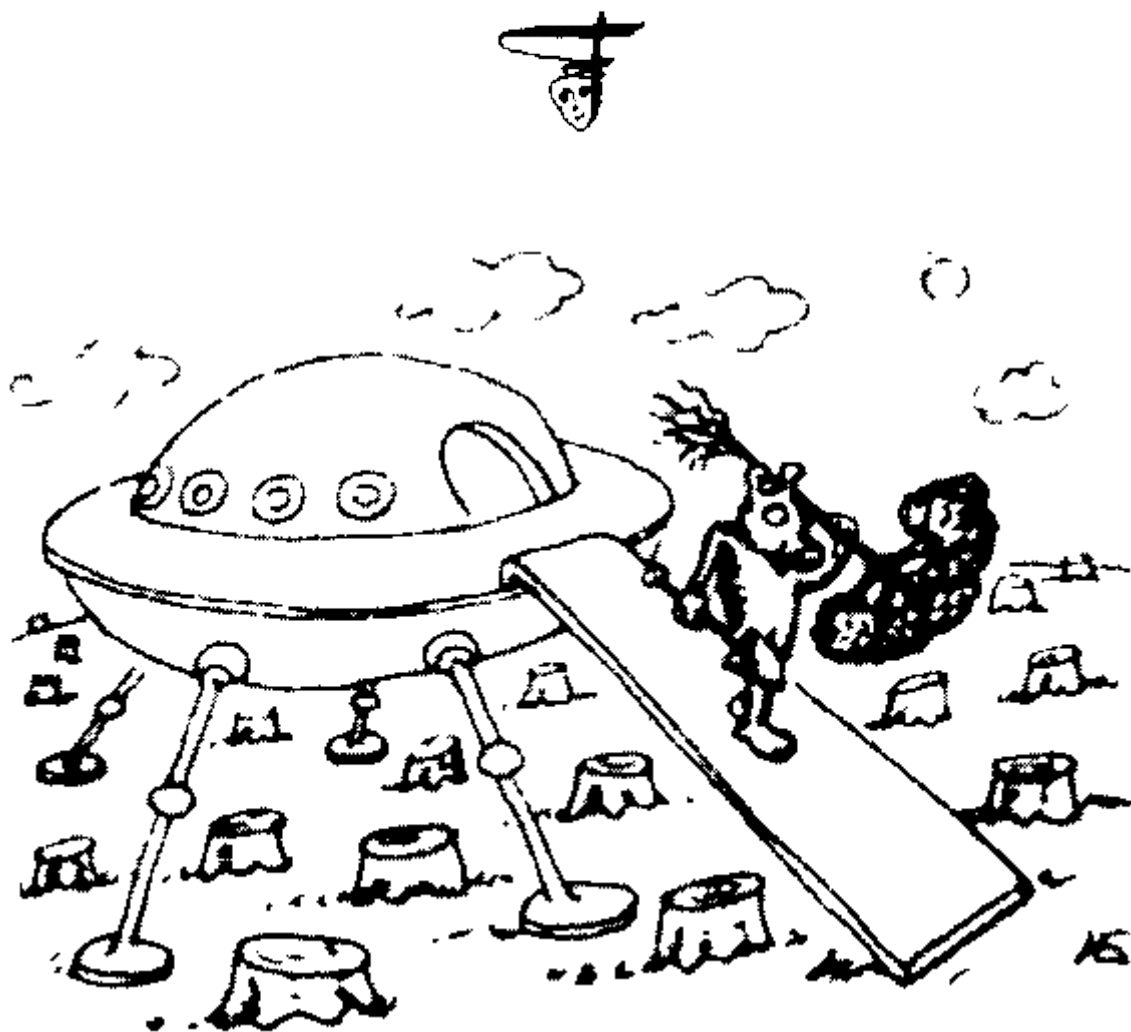
Птицы посмотрели вниз и сказали: «А это Земля». И пропали во тьме. Земля.

Та звезда внизу, сияющая и прекрасная, в тысячу раз прекраснее тех, ради которых он сюда поднимался, это Земля?

Но ведь он был там и никогда ее не видел! Принц Альдебаран вспомнил, что на Земле он смотрел только на небо... В его старом сердце загорелось желание вернуться назад, но он глянул на свое дряхлое тело и понял, что ему уже это не под силу.

...Так и остался сидеть на лестнице между небом и землей старый заблудившийся человек. Он искал красоту так высоко, что не заметил ее у себя под ногами.

Птицы приносили ему пищу, ветер расчесывал его седую длинную бороду. Днем он ничего не видел из-за яркого солнечного света, а ночью ему со всех сторон сияли своим обманчивым светом далекие звезды.

ЧУДНАЯ ИСТИННОСТЬ ПРИРОДЫ **Подготовил и перевёл А. В. Ващенко**

Глобальные проблемы современности в конце концов оборачиваются экологическими. Отношение к ним все больше выявляет неспособность человека — именно человека цивилизованного — к выживанию. Отзываясь на это, современная литература резко усиливает внимание к экологической тематике — возникает «экологическая проза», продолжается натурфилософская, расцветает массовидно-мистическая и т. д.

В свете современности интересно и поучительно обернуться назад, к опыту начала XX века. Особое звучание при этом обретают имена писателей, индейских и белых, связавших жизнь с природой, животными и, как это часто бывает, с родственной им темой аборигенной. Этот подход вывел их тогда к конфликтности природы и традиционной культуры, с одной стороны, и цивилизации — с другой. Джек Лондон, Серая Сова, Чарльз Роберте, Охиджеза и ряд других, каждый по-своему

отразили эту тенденцию времени. На русской почве можно поставить с ними в ряд Богораз-Тана, Пришвина, Арсеньева, Федорова. Однако на их фоне особняком все же стоит наследие Эрнеста Томпсона-Сетона, которое обращается к нам сегодня новой стороной.

Писатель-ученый, естествоиспытатель, художник, жаждавший откровений дикого края, пришел к натурфилософии, а затем — к мистико-философскому учению о роли природы в жизни человека. Написав ряд научных трудов, посвященных описанию птиц Канады, затем сделав себе имя на рассказах о «животных-героях», Томпсон-Сетон на исходе дней пришел к выводу об истощенности западной (и всякой другой) цивилизации и к необходимости учиться у природы и аборигенной Северной Америки. К тому времени он провел среди индейцев немало времени, получив уважительное прозвище «вождя».

Концепция мира и природы, к которой пришел со временем писатель, заставила его создать на территории собственного поместья в Нью-Мексико особую школу под названием «Лига Лесовиков» (Woodcraft League) для обучения взрослых и детей жизни на природе и основам ее мудрости. Это должен был быть своего рода национальный и международный «институт» природоведения и жизни на природе. На заповедной территории расположились индейское святилище-кива, освященное индейскими старейшинами, а сам писатель и его жена Джулия Сетон оказались единственными из белых людей, кому было разрешено спуститься в индейское святилище. Там же было задумано и поставлено помещение для «светских» собраний. Стены в этом «Доме совета» расписал яркими фресками Джек Хокеа, известный в ту пору художник-кайова. Все это, в том числе и основной дом, где и по сей час хранится библиотека писателя, рисунки и архивы, в том числе и почетный диплом, пожалованный Томпсону Александром III, ждут своих исследователей. Обидно однако, что поместье ныне приходит в негодность: крыша основного дома протекает, перекрытия дома советов обрушились, и фрески Хокеа, вероятно, не спасти от действия стихий.

Будущих членов Лиги нужно было на чем-то воспитывать. И тогда писатель скомпоновал свои произведения в виде пособий для новообращенных. В их число вошли «Рольф в лесах» («Rolf in the Woods», 1911), «Дикие звери у себя дома» («Wild Animals at Home», 1913), «Истории лесного края» («Woodland Tales», 1921) и «Книга лесного и индейского знания» («The Book of Woodcraft and Indian Lore», 1922). Нам важнее выделить сейчас том 3-й, «Историй лесного края», поскольку эта книга объединила 107 небольших притч, «посвящающих» читателя в природные кущи. Из нее и взяты приводимые истории, впервые переведенные на русский язык.

Главный смысл этих маленьких откровений в том, что наследие Томпсона-Сетона, его планы, замыслы, концепции и дух идейно-творческих исканий напрямую обращены к тем, кто любит жизнь на природе, к индейской культуре, на этом основанной. Тем, кто связывает свои надежды с откровениями, почерпнутыми от Великого Духа и видит духовное в материальном окружении. Другими словами, к молодежи и взрослым, в которых живет детскость и естество всего сущего.

Эрнест Томпсон Сетон
Из книги «СКАЗЫ ЛЕСНОЙ СТРАНЫ»
(Притчи)

Предисловие для проводника

Эти сказы о Матери-Берегине писаны для детей всякого возраста, не растерявших наслаждения сказкой. Почти наверняка можно сказать, что написаны они в основном для себя, ибо мне доставляло радость не только рассказывать их детям, наслаждаясь их реакцией, но еще больше — сочинять их и записывать.

Пока я пишу это, я люблюсь видом из окна, озирая милый сердцу пейзаж: и глаз замирает на чудной высокой сосне, много лет назад посаженной мною. Она стоит, убранная зеленой бахромою, кончики почек — словно самоцветы, вся в молодых шишках, изящных в своей красе. И если смотришь издали, то видишь зеленый шпиль, а если вблизи — драгоценные камни. Она прекрасна, хрупка и незначительна в глазах окружающего мира. Но в овеваемой ветром кроне можно уже провидеть то, что скрыто в основе — презирующий бури остов, прочный, непокорный живой ствол мощного древа, своей благородной силой придающий смысл всему остальному. Редко кто пылливо потянется к ней, но она всегда пребывает там, возвышая вещи менее прекрасные.

Надеюсь, это дерево — верный прообраз моих сказов. Знаю — моим юным друзьям полюбятся сосновые иглы и шишки-самоцветы, разглядят они и прочный ствол с его таинственной правдой — если хорошенько поищут. Если же нет — с меня довольно, если они порадуются шишкам...

Снежная буря

Случилось это недавно в Монреале, в пору большого зимнего карнавала. Ненастным днем пятеро детей глядели в окно на снежную бурю: эскимос, датчанин, русский, индеец и янки. Устроители карнавала пригласили четверых вместе с родителями; янки же был сыном богатого туриста.

— Глядите, — вскричал маленький эскимос с Аляски, указывая на летящий снег. — Глядите, как летят костяные стружки! Солнце, Эль Соль, уж верно вырезывает себе из моржового клыка славный кинжал! Вон как он строгают — аж белая пыль вьется в воздухе!

Он, конечно, не сказал «Эль Соль», а назвал солнце по-своему, по-эскимосски.

А датчанин сказал:

— Нет, все не так. Это Мать-Земля готовится ко сну. Летит гусиный пух от перины, слуги взбивают постель, прежде чем Мать-Земля уляжется, накрывшись белым покровом.

Не сводя глаз с вьюги, маленький индеец значительно покачал головой и промолвил:

— Отец поведал мне: это белый пепел от трубки На-на-бо-джу; тот как раз закончил курить и кутается в одеяло, отходя ко сну. А мой отец всегда говорил одну правду.

— А вот и нет, все вы ошиблись, — заявил маленький русский мальчик. — Бабушка рассказывала мне, что это Земля, Мать-Берегиня. Она проносится на своем резвом скакуне, Белом Ветре. Все лето тот

простоял негуляный, а теперь полон сил и бесится, пылая яростью. С упряжи, с гривы взлетает пена, она же знай себе скачет да шпорит его. Любо-дорого глядеть на них! Матушка наполняет воздух добром и силой. Они уносят меня вдаль, к милой родине. Вот славно — кругом белым-бело!

А мальчик-янки сказал:

— Да ладно вам! Просто снег идет.

Кривая палка

Давным-давно жила-была девушка, которой очень хотелось узнать, кто будет ее мужем. И отправилась она узнать об этом к старой лесной колдунье.

Спросила ее колдунья о том, о сем, а потом и говорит:

— Ступай вон в тот лес, иди все прямо да прямо, не сворачивая ни вправо, ни влево, и не отступая ни на шаг. Принеси мне оттуда прямую палку — чем прямее, тем лучше. Но только одну, слышишь?

Отправилась девушка. Вскоре она приглядела неподалеку славную палочку; да вот на конце ее был маленький изъяз! И она сказала себе: «Не пойдет! Найду получше!» Потом увидела другую — та была совсем что надо, только чуть-чуть кривилась посередине... и опять она прошла мимо.

Шла да шла девушка, заметив немало ну совсем хороших палок; да только впереди были еще лучше! Но вот девушка вышла почти к самой опушке, а лес позади остался! Тут поняла она, что выбирать ей теперь совсем ничего — пришлось взять такую палку, какая попалась — и в самом деле, очень и очень кривую! Принесла ее колдунье, и говорит, что могла бы взять куда как получше, если б остановилась на той, что была вначале!

Взяла колдунья палку и ткнула, указывая на девушку:

— Что ж, вот оно, твое счастье! Все лесом да лесом, а из лесу вон — покати шаром! Не будь ты такой привередой, больше б было везенья! Пройдешь ты мимо многих славных мужей, а останешься с кривой палкой!

Быть может, кое-кому из девушек, ищущих лесной мудрости, пригодится этот урок? Попробуйте и вы сделать то, что велела колдунья. Сочтем за успех, если палка будет двух футов длиной и не кривее больше чем на дюйм. И добавим лесную пословицу — в ней тоже есть своя капля меда: «Великий Дух проводит прямую линию и кривой палкой.»

Восхождение на гору

В засушливом краю американского Юго-Запада стоит индейская деревня.

А в отдалении вздымается над пустыней высокая гора. Великим подвигом считалось подняться на ту гору, и потому всем деревенским мальчишкам хотелось попытаться счастья.

И вот однажды Вождь сказал:

— Сегодня всем вам можно попробовать взойти на гору. Отправляйтесь сразу после завтрака, и пусть каждый поднимется так высоко, как только сможет. Устанете — возвращайтесь; но пусть каждый принесет по ветке с того места, где повернул назад.

И вот они двинулись в путь, полные надежд, уверенные, что взойдут на вершину.

Однако вскоре первый из них медленно возвратился назад, пыхтя и отдуваясь. Он протянул Вождю маленький кусочек кактуса. Вождь улыбнулся и сказал:

— Ты не достиг и подножья горы — даже не перешел пустыни.

Час спустя воротился второй. Вождь получил от него веточку полыни.

— Что ж, — сказал старик, — ты достиг подножья горы, но не начал восхождения.

Через час возвратился третий, протягивая горсть тополиного пуха.

— Хорошо, — сказал Вождь, — ты добрался до горных ручьев.

Прошло немалое время, и возвратился подросток, сжимавший горсточку крушины. Увидев его, Вождь улыбнулся и промолвил:

— Ты взбирался на гору. Ты поднялся до первого оползня.

После полудня, явился еще один, с веточкой кедра; и старый Вождь сказал:

— Славно, славно — ты прошел путь до половины.

Спустя еще час пришел другой, с сосновой веткой.

Вождь сказал:

— Хорошо; ты поднялся до третьего пояса, совершил три четверти подъема. Продолжай попытки. Через год ты непременно взойдешь на вершину.

Солнце уже садилось, когда вернулся последний — с сияющим лицом и с пустыми руками.

— О Вождь, там, где повернул я, не было деревьев; там, наверху, не было веток. Но вдаль я увидел сверкающее море.

Тут лицо Вождя просветлело.

— Так я и знал! Знал, поглядев на твое лицо. Ты взошел на вершину! Она горит в твоём взоре, звенит в голосе; гора пляшет в каждой жилке твоего тела. Тебе не нужны ветки. Ты изведal чувство полета; ты узрел силу и славу горы.

Бизоний ветер

Впервые я услышал его зов еще ребенком. Брат сделал эолову арфу и прикрепил в окне, подняв раму. Какое-то время она молчала, а затем полилась нежная тихая мелодия. Она взлетала и падала вместе с ветром, напевая странные песни. Но вот ветер усилился — и она взвыла и зарыдала, потом угасла, завершившись стоном, — и юная душа сжалась, на глаза набежали слезы. Не знаю, почему — ибо музыка не была моим призванием. Песня охватывала меня сладкой мукой; она проникала в самую глубь моего существа. Слов не было, лишь одно звучало призывно: «Вдаль! Вдаль!»

Издалека ко мне доносились порой слабые его дуновения. Один-два раза я обрел их с ветром в вершинах деревьев, возводя мальчиком себе хижину в Гленьяне. Я падал на лиственный ковер, кусая ветки в безумной тоске, в немом бессилии.

Потом я уехал жить в Лондон — учиться искусству. Я был вечно один; по бедности я вел жизнь пустытника. Тело мое очистилось суровой жизнью и постом. Мне явились сны, и через два года самодисциплины, воздержания и полного подчинения духу я стал различать Голоса. Я слышал их в экстатическое время, что приходит с закатом, когда тело,

казалось, парит над миром, превосходя всякое понимание. Услышав Голоса, я вновь различил и мелодию. Со стоном она выводила: «Бизоний ветер, Бизоний Ветер!»

Как-то друг одолжил мне книгу, «Тени шаста», со множеством хороших иллюстраций и вызывающе-низменным смыслом. Но всюду, где упоминалось о племени шаста, это звучало благородно. В конце концов индейцы шаста погибли в резне — резне, учиненной христианами. Все их вещие сны и любовь к Великой Горе позабылись. В одиночестве автор в последний раз встал на высоком утесе, оглядывая окружающее. Ни звука человеческого голоса — лишь куропатка свистала в траве, да ветер стenal в кедрах и травах, прощаясь со стоном. Взор мой затмился — я понял, что автор услышал его. Книга выпала из моих рук, ибо задул Бизоний Ветер!

Потом я услышал Зов Запада — и отправился туда. Три года скитался и жил — жил полной жизнью — один, почти всегда один, но ликуя, — пока не услышал иного веления — вернуться назад, вспять, ко всему, что так ненавидел. Краса августовского солнца сияла золотом и цветами, зажигая прерии, когда мне пришло письмо. Я вышел из хижины, и смотрел вдаль на полоску красных ив, протянувшихся на фоне ровной зелени — она отмечала русло ручья. Она изобиловала столь милой и любезной мне жизнью разных существ; в течение трех лет мои счастливые думы были прикованы к ней. И налетел, свистя, ветер, сгибая стебли трав, сгибая ранние побеги золотарника, и донес всплеск песни. В ней было мало смысла, но вот она, коснувшись москитной сетки, засвистела, взвилась — и упала со стоном. И сквозь ум и дух мой пронеслось: «Бизоний Ветер! Дует Бизоний Ветер!»

Влекомый тем, что я именвал судьбою, я отправился сам не знаю куда. Но я ехал в Париж учиться у великих мастеров французской живописи и пробыл там два года, пока мне не явилось видение. Не знаю — был то сон, вой ветра, или уличный шум. Только я услышал его во сне, а когда пробудился, песня звучала в ушах, песня, что сжимала и опустошала меня — колдовская песня, терзавшая несказанно: «Ветер, Ветер, Бизоний Ветер! Дует Бизоний Ветер!»

И тогда я, собрав пожитки, вернулся в прерии. Я остановился в Виннипеге. Ниже по реке, под большим железнодорожным мостом, жил знакомый мне старик-француз, полуиндеец. Хижина его казалась реликвией былых времен. Он говорил со мной о добрых минувших днях или курил в молчании. И глядел за реку пустым, далёким-далёким взором.

— Они ушли, ушли, — говорил он, — но скоро уйду и я. Я почуял Бизоний Ветер, добрый старый Бизоний Ветер, что дует в апреле с Юга. Он говорил нам о том, что грядут Бизоны, что они идут следом, — надежда Прерий, Священный Зверь, вещий сон, любый Краснокожему.

Когда той осенью я покидал Прерии, чтобы вновь уехать на грязный Восток, я сидел на задней платформе состава, глядя на последний холм, таявший в ночных сумерках. Я и теперь мог видеть его, но, увы, так слабо! Ничего я не различал вокруг — глаза отказывались смотреть.

Лишь десять лет спустя он вернулся и вновь потряс меня. Я встретил

её в горах Санта-Барбары... эту странную женщину из Индии. Она послала за мной Ей было на вид тридцать — а может, и все девяносто, понять было невозможно Глаза ее отличал этот отстраненный взгляд, словно из иного мира. Тихо она повела речь о вещах заурядных — о еде, да кофе, о кошках, пока я не поднялся уходить. Тут ее странный отсутствующий взгляд приковал меня, зажёгся новым светом, и голос прозвучал по-иному — как послание, как повеление:

— Ты не из этих людей. Отчего же ты не раскроешь слух свой и сердце? Или не ведомо тебе, что ты — Краснокожая Душа, посланная, чтобы возвестить Весть? Чтобы указать всем Путь Краснокожего? Услышь же его — ибо дует Бизоний Ветер!

Потрясенный, я покинул её в тоске.

О Боже! Дай мне сил изведать и восстать вовремя! Восстать, пока еще не слишком поздно.

И вот быстрые года пролетели, стремительно превращаясь в бич Я ухожу — ухожу со всею своею силой. Я обрел отечество под белыми Снеговыми Вершинами, там, где Тропа сходится с Тропой, а вдалеке, сверкая ясностью, Река Краснокожего стремится свой бег в открытое Море.

И Дует Бизоний Ветер!